ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! Цена 30 коп.

Литературная газета

Суббота, 10 апреля 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР № 19 (655)

Маяковский

Уже семь лет отделяет нас от того апрельского дня, когда так нелепо и бессмысленно оборвалась жизнь поэтического трибуна революции Владимира Владимировича Маяковского.

Маяковский принадлежит к тем огромным явлениям культуры, значение которых с годами не только не уменьшается, но все более и более вырастает. С каждым годом все более выясняются масштабы его влияния на всю советскую и мировую поэзию, все яснее обрисовывается колоссальное значение его работы по обновлению русского стиха и поэтического языка в соответствии с задачами и потребностями культурной революции в стране победившего социализма. Все яснее становится, что Маяковский продолжает оставаться образцом и поучительным примером для всей советской поэзии и далеко еще не все уроки и выводы извлечены нами из опыта его творческой деятельности.

Маяковский совершил целую революцию в поэзии. Он сломал установившиеся и заезженные десятилетиями каноны ритмики, рифмовки, инструментовки стиха. Он вывел стих из салонов, будуаров, из-под картонных переплетов маленьких книжечек на улицу, на площадь, на митинг, в аудиторию, на завод, в рабочий клуб, повел его в «Окна Роста», на страницы газет, на полотна агитационных плакатов. Маяковский взорвал убаюкивающее ритмическое покачивание камерной поэзии и декадентски-кликушеское завывание и заменил их ритмом ораторской пламенной речи, интонационным стихом, в котором любовь и ненависть, пафос и сарказм обрели необходимые ударения и паузы.

Окостеневший язык поэтической речи, ставший тормозом развития нового поэтического содержания, Маяковский сделал мишенью своих насмешек, подверг осмеянию и уничтожению. Маяковский разбил эстетский «штиль» символистской и акмеистической поэзии, ввел в поэзию ритм и словарь революции, словарь народных масс.

В развитии стиха, в движении поэтической речи Маяковский является прямым продолжателем дела Пушкина и Некрасова. Пусть хорошо усвоят наши поэтические кадры, что именно так идет линия вершин поэтического и культурного развития, что всегда не эпигоны являются преемниками великанов, которым они рабски подражают, которых они на деле опошляют и принижают, а те, кто, усвоив наследство своих предшественников, применяют их лучшие и вернейшие принципы к новой изменившейся действительности и вырабатывают новые творческие принципы, выковывают новое оружие.

Маяковский был подлинным новатором поэзии, потому что он занимался не футлярскими кунштюками, не анализом маленьких ощущениц своего комнатного бытия, не высасывал из пальца тем и образов своей поэзии, а обратился к величайшей в мире социальной революции, которая дала ему в изобилии темы, образы, язык, наполнила его силой и страстью своей борьбы, вдохнула в него новую жизнь, определила содержание и форму его поэзии.

Маяковский был огромным мастером боевой революционной поэзии, поэтической агитации. Сын революционного народа, он никогда не относился к «злобам дня», как к чему-то временному и преходящему, он никогда не поддавался глубоко буржуазным и по существу враждебным теориям, утверждающим, в наши дни, будто подлинное искусство рождается в тиши кабинетов, в «башнях из слоновой кости», в катакомбах и пещерах, в стороне от схваток, вдали от «мирской суеты».

Маяковский знал, что замыкание от мира, бегство от него было трагедией для великих художников прошлого и означало разлад с действительностью, которая их окружала. Действительно, многие великаны прошлого создавали свои гениальные произведения, отряхая от ног своих прах омерзительного мира феодальной и капиталистической собственности, враждуя с ним. Они разрывали с этим миром, они вырывались из его мертвящих об'ятий. В этом разрыве — корни их величия. Но когда этот мир разрушен на одной шестой части земного шара, когда на этой шестой утвердился социализм, когда повсюду развертываются бои против старого мира, великаны нашей эпохи идут в центр боя, и только пигмеи ползут в свои конуры. И теперь корни величия и почва создания великих произведений — близость к миру социализма, кровное родство с ним.

Великаны культуры прошлого, отвергая феодальное и капиталистическое свинство, умели из своего одиночества находить дорогу к народным массам, отражать их чаяния и стремления. В этом отражении — основа величия классиков мировой культуры.

Теперь, когда в стране социализма народные массы стали хозяевами своей жизни, одиночество и замыкание художника потеряло всякий смысл и всякое оправдание. Чем ближе, чем кровнее связь его с народом — тем выше и долговечнее будут его творческие создания.

Маяковский давно понял эту истину. Он понял, что «злоба дня» повседневной мужественной борьбы за социализм концентрирует в себе важнейшие проблемы настоящего и будущего человеческой жизни, что посвященные вопросам времени произведения становятся непреходящими ценностями в веках, а творения, претенциозно созданные в расчете на века, оказываются сами только краткой «злобой дня».

Но вернее всего, что Маяковский, вовсе и не думая, не взвешивая, каким путем можно притти к бессмертию, просто делал свое боевое дело, как верный воин революции. Он жил ее волнениями и страстями. Он вел агитацию против Деникина, Врангеля, Колчака и Юденича, он бичевал мещечников и спекулянтов, он разоблачал Антанту, он звал рабочих и крестьян к оружию. В его стихах отразились все агитационные кампании, которые организовала большевистская партия, мобилизуя массы для борьбы.

Маяковский не ограничивался агитационными кампаниями. Он воплотил великолепные гордые чувства советского гражданина в «Стихах о советском паспорте», он рассказал о героизме большевиков, умирающих на боевом посту, в стихах, посвященных Теодору Нетте, он выразил в поэме «Ленин» те чувства и мысли, которые пробудила в нем революция и ее великий вождь.

В творчестве Маяковского сразу видна неразрывная связь с делами и заботами революции, он следил за биением ее пульса, за угрожающими ей опасностями, подкрадывающимися врагами. В этом непосредственном участии в революционной работе, определившем величие творчества Маяковского, содержится урок, еще не всеми нашими поэтами понятый.

Маяковский был настоящий тружеником. Он умел отдыхать, но он прежде всего умел работать, как немногие. Все его газетные стихи, написанные с такой, казалось бы, невероятной быстротой, в день события, которому они посвящены, при ближайшем рассмотрении оказываются плодом напряженного труда и целой системы поэтической работы, в которой каждое слово продумано и проверено.

Он мог так быстро откликаться на события, потому что заранее следил за их приближением и нарастанием, потому что думал над ними, потому что имел у себя «заготовки» рифм, строк и отрывков, наконец, за его плечами была большая общая культура. А у нас еще сколько угодно поэтов, воображающих, что в писании газетных стихов все дело в быстроте. Уроки поэтической работы этим поэтам следует брать у Маяковского.

Творчество Маяковского-революционера, непартийного большевика, боевого трибуна нашей литературы, поэта, совершившего переворот в поэзии, было всегда не только суб'ектом, но и об'ектом классовой борьбы. И это не случайность. Маяковский стоял на магистральной дороге нашей литературы и культуры, и его нельзя было ни обойти, ни об'ехать.

Не случайно, что контрреволюционер Троцкий нападал на Маяковского, что предатель и изменник Бухарин под прикрытием лицемерных похвал об'являл творчество Маяковского устаревшим. Отрицание Маяковского непосредственно связано у этих контрреволюционных «теоретиков» с их отрицанием пролетарской социалистической культуры, с их рабским преклонением перед буржуазной эстетской культурой, которую они всегда предпочитали.

Попытки дискредитировать творчество Маяковского, отодвинуть его в архив революции позорно провалились, как и следовало этому быть.

Великий вождь народов Советского Союза и всего трудящегося человечества тов. Сталин сказал, что «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». Устами вождя весь советский народ признал Маяковского своим поэтом.

У нас в союзе писателей много говорят о политической поэзии; однако, весьма мало делают для того, чтобы способствовать ее развитию.

Следовало бы давно созвать поэтическое совещание, посвященное политической поэзии. Надо поставить на этом совещании доклады о политической поэзии прошлого, связанной с революциями 1789 и 1848 гг., поговорить об Эжене Потье, о Беранже, о Фрейлиграте, о русской политической поэзии декабристов, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, о поэзии «Правды», о Демьяне Бедном и, наконец, о Маяковском. Знатоков политической поэзии отдельных исторических периодов и важнейших поэтов при желании найти можно. Политическую поэзию двинуть вперед необходимо. А двинуть ее вперед — это значит лучше всего продолжить дело, за которое всю жизнь боролся Маяковский.

В союзе писателей Калмыкии неблагополучно

Стоящие перед писательской организацией Калмыкии ответственные задачи: подготовка к 20-летию великого Октября, работа по тому «Двух пятилеток», участие в большой работе по истории заводов и фабрик и истории гражданской войны — требуют срочного разрешения. Между тем писательская общественность разобщена, руководство преступно бездействует.

Работа писателей проходит мимо руководства союза. Творческая инициатива писателей не поощряется.

Группа писателей резко выступила с заявлением о наличии троцкистских элементов в литературной организации Калмыкии. В частности, ими был поднят вопрос о Х. В. Сан-Бельгине, контрреволюционное выступление которого не получило соответствующего отпора со стороны правления союза и его председателя Мацакова.

В качестве секретаря ССП Калмыкии продолжает работать Хаглышев, хотя его никто не выбирал. Писатели неоднократно требовали отстранения Хаглышева от работы, но председатель союза Мацаков считает Хаглышева незаменимым, хотя Хаглышев давно уже уличен в протаскивании контрреволюционного троцкизма (извращения, допущенные им в переводах).

Правление союзного ССП должно в срочном порядке принять меры к оздоровлению этой организации.

А.

В. В. Маяковский

Редкие издания и рукописи Маяковского

ВЫСТАВКА В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ

В день седьмой годовщины смерти Вл. Вл. Маяковского в Государственном литературном музее откроется выставка, посвященная жизни и творчеству поэта.

В центре выставки — щит со словами великого вождя: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям — преступление».

На хорошо оформленных стэндах — много интереснейших материалов. В числе экспонатов — недавно приобретенная Гослитмузеем рукопись «150.000.000», которая содержит в себе около 200 неопубликованных строк, редкие издания Маяковского, книги поэта на иностранных языках и языках народов СССР, фотографии, иллюстрации и т. д.

В отделе «Детство и юность поэта» выставляются: карточка на Маяковского, составленная московской охранкой, ряд документов, характеризующих Маяковского как революционера (особенно интересно здесь донесение начальника Сущевской полицейской части о поведении поэта).

В отделе «Маяковский в дни Октября и годы гражданской войны» экспонируются «Окна Роста», афиши «Мистерии-Буфф», иллюстрации художника Машик к пражскому изданию «150.000.000» и первый номер первого советского сатирического журнала «Соловей». Журнал вышел вскоре после Октября — 24 декабря 1917 г. На обложке его — карикатура на кутящую, «прожигающую жизнь» буржуазию и рисунок, изображающий восстание солдат.

Под карикатурой — строчки Маяковского:

«Ешь ананасы и рябчиков жуй,
День твой последний приходит,
буржуй».

Под рисунком — слова «Интернационала»:

«Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов».

Выставка Маяковского в Ленинграде

ЛЕНИНГРАД, 9 апреля. (**По телеграфу от наш. корр.**). В Доме писателя им. Маяковского заканчиваются работы по оборудованию постоянной выставки **«Владимир Маяковский»**. Выставка занимает 4 больших комнаты писательского клуба и состоит из ряда отделов: «Детство и юность Маяковского», «Маяковский-революционер», «Маяковский в годы войны», «Работа Маяковского в газете», «Маяковский и театр», «Маяковский и Запад» и т. д. Заключительный отдел выставки — «Маяковский и современная поэзия». Помимо богатого фотоматериала, на выставке сосредоточены редкие издания книг и журналов, черновые рукописи, плакаты, афиши, рисунки и пр. Домом писателя приобретены 12 подлинных «Окон Роста» и 6 эскизов Маяковского к «Мистерии-Буфф». Часть экспонатов выставки предоставлена клубу ленинградскими писателями и поэтами. Выставка откроется 14 апреля. Уже начата запись экскурсий студентов, школьников, литкружковцев. На выставке будут проводиться беседы о творчестве Маяковского и художественное чтение его стихов.

В Доме писателя им. Маяковского 14 апреля состоится большой вечер, посвященный годовщине смерти В. В. Маяковского. Ожидается приезд московских поэтов и писателей.

БЕЗРАЗЛИЧИЕ

(ОТ НАШЕГО МИНСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА)

Нет сомнения в том, что члены правления ССП БССР, работники Белгосиздата и газеты «Літаратура і мастацтва» прекрасно помнят слова товарища Сталина о Маяковском. Им великолепно известна не только высокая оценка, которую товарищ Сталин дал Маяковскому, но и слова о том, что безразличие к памяти Маяковского и его произведениям — преступление.

Но одно дело — помнить, а другое — понять, что и они обязаны сделать из этих слов практические выводы. К сожалению, полное безразличие к наследию «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи» характеризует работу ССПБ, Белгосиздата и «ЛІМ». За последние пять лет в специальной и общей республиканской печати появилось всего-навсего 15 заметок и статей о Маяковском, из которых лишь 3—4 заслуживают внимания, а остальные — просто хроника. Да и эти, с позволения сказать, исследования приурочены к юбилейным датам. До сих пор на белорусском языке не вышел ни один сборник произведений поэта. Больше того, нет даже переводов его поэм. Переведено лишь несколько стихотворений («Владимир Ильич», «Левый марш», «Десятилетняя песня», «Товарищу Нетте, пароходу и человеку») и отрывки из поэм «Владимир Ильич Ленин» и «Во весь голос». Все это переведено и напечатано в разное время и разбросано по разным газетам и журналам.

Ни союз советских писателей, ни Белгосиздат ничего не сделали для того, чтобы довести до широких читательских масс Белоруссии на их родном языке стихи поэта. О планомерном, систематическом изучении богатого наследия Маяковского, о литературных вечерах, посвященных его творчеству, и говорить не приходится. Об этом в Белоруссии никто не думает.

Газета же «ЛІМ» молчит, как будто ее это не касается.

С. ДЕЛЬ

ПЕСНИ НАШЕЙ РОДИНЫ

(ОТ НАШЕГО ЛЕНИНГРАДСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА)

Ленинградские поэты и композиторы собрались на-днях, чтобы обсудить план сборника «Песни нашей родины». Такой сборник намечается в Ленинграде к 20-летию Великой Пролетарской революции.

Это была **первая** творческая встреча композиторов и поэтов. На самом совещании некоторые поэты **впервые увидели** свои стихи, изданные Музгизом, более того, **они впервые услышали исполнение** своих песен!

Призыв поэта А. Прокофьева совместно работать над юбилейным сборником «Песни нашей родины» нашел живой отклик среди всех участников совещания.

Композитор И. Дзержинский говорил о том, что поэты нередко не знают и не понимают музыки. В свою очередь поэты отмечали, что многим композиторам неизвестны их стихи. Говорилось и о том, что тексты некоторых изданных песен просто халтурны. Когда поэты выслушали песни композитора Б. Майзеля, они с основанием заявили автору текстов Б. Лихареву, что едва ли он включит эти плохие стихи в свою книгу.

На собрании указывалось также, что плохая работа Музгиза не содействует созданию массовой песни. Миллионы распевают сейчас песню «От края и до края» из оперы «Тихий Дон». Эта песня была написана до окончания всей оперы, но когда композитор И. Дзержинский и поэт А. Чуркин принесли песню в Музгиз, там ее... забраковали.

Говоря о юбилейном сборнике композиторов и поэтов, т. И. Цильштейн назвал множество тем, которые ждут воплощения в массовых песнях. Прежде всего это песни о Сталине и о его славных соратниках, песни о Красной армии и ее полководцах, песни о замечательных людях нашей родины. Надо создать и веселые песни.

И. Цильштейн предложил провести конкурс на лучшую песню, который должен стать делом чести поэтической секции союза писателей и ленинградского союза композиторов. Избрано об'единенное бюро, в которое вошли композиторы И. Дзержинский, Соловьев-Седой и поэты А. Прокофьев, А. Гитович и А. Чуркин.

Хочется отметить обстановку, в которой проходило совещание. На нем не было ни докладов, ни прений. Шла дружеская беседа. Для того, чтобы проиллюстрировать свою работу, композиторы садились за рояль, поэты читали стихи. Песни ленинградских композиторов охотно исполнялись присутствовавшими артистами оперы и эстрады.

Была исполнена новая песня заслуженного деятеля искусств орденоносца И. Дунаевского из цикла песен о «Дружбе». Текст — орденоносца В. Лебедева-Кумача.

И. Дзержинский по просьбе товарищей сыграл увертюру к своей новой опере «Поднятая целина».

Б. РЕСТ

Дневник «Литературной газеты»

Опубликованное 8 апреля в «Правде» письмо тов. А. Стецкого не может быть обойдено вниманием литературной общественности.

Тов. Стецкий сообщает о том, что «секретарь союза советских писателей т. Ставский, назначенный членом Комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по приемке литературного наследства А. М. Горького, никакого участия в работе комиссии не принимал и не принимает и никакого интереса к организации музея и архива А. М. Горького не проявляет».

Одновременно т. Стецкий напоминает о том, что и на состоявшемся на-днях общемосковском собрании писателей никто не говорил об этом непостижимо-равнодушном отношении к наследству великого пролетарского писателя.

Это сообщение является серьезным сигналом, серьезнейшим напоминанием руководству ССП о таких «прорывах» в его работе, которые могут иметь весьма печальные последствия. Если переворошить стенограммы всех выступлений секретарей союза за последний год, — сколько мы найдем в них пламенных заверений в любви к Горькому, сколько страстных призывов продолжать великие традиции Алексея Максимовича, заявлений о необходимости всесторонне изучить и овладеть его наследством. И все это оказывается не больше, чем «платонические» чувства!

Можно не сомневаться в том, что гораздо плодотворнее прошло бы и последнее общемосковское собрание писателей, если бы т. Ставский в своем докладе сумел оперировать конкретными данными о работе комиссии по приемке литературного наследства Горького. Ведь не нужно забывать, что через два месяца — через два только месяца! — собирается всесоюзный горьковский пленум правления ССП. Разве не следовало бы приступить уже на последнем собрании к мобилизации писательской общественности в этом именно направлении? Разве не представлялось возможным этот именно вопрос сделать одним из стержневых моментов обсуждения, одним из отправных моментов для подлинно творческих разговоров, для подготовки широкой писательской массы к столь близкой горьковской годовщине?

На пленуме, посвященном памяти А. М. Горького, руководству ССП придется отчитываться в своей работе по популяризации творчества великого художника пролетариата, по приемке его литературного наследства, по организации архива и музея его имени и т. д.

Но было бы неверно думать, что этим может ограничиться роль товарищей, возглавляющих литературное движение в нашей стране. Нет, горьковский пленум явится последней проверкой готовности боевых рядов советской литературы к двадцатилетию Великой Пролетарской революции, к дате, которую от пленума отделяют **всего только три-четыре месяца**. Тут уже нетерпимы будут никакие декларации и обещания, никакие списки с сообщениями о «заканчиваемых», «завершаемых», «дорабатываемых» и тому подобных произведениях. На пленуме может и должна итти речь только о книгах, которые уже стали **фактами**. Нужно своевременно подумать о формах ознакомления пленума с этими фактами. Дело не в том, чтобы новые книги были названы. О них необходимо подробно рассказать, им должна быть дана обстоятельная, исчерпывающая характеристика.

Необходимо, однако, говорить не только об отдельных книгах, но дать и обобщенное представление о намечающихся в них тенденциях, об их тематической направленности, об их художественных особенностях. Справиться с такой задачей не под силу одному человеку. Вот тут и было бы, пожалуй, целесообразно привлечь критический актив на тех началах, о которых говорил т. Ставский на пушкинском пленуме, для выполнения целевых заданий секретариата правления.

Время не терпит. Безотлагательно, теперь же, надо взяться за подготовку к горьковскому пленуму.

Общемосковское собрание писателей

Заключительное заседание

Евг. Петров, чья речь была одной из самых удачных на общем собрании московских писателей, заметил, что Гронский один из тех, кто систематически совершает политические ошибки, систематически кается в них, но никому от этого не легче.

Как бы в подтверждение слов т. Петрова, Гронский снова вышел на трибуну и долго, нудно, неубедительно занимался перечислением — в который раз! — своих «прегрешений». Аудитория чрезвычайно недружелюбно встретила очередную «исповедь» Гронского; она еще раз убедилась, что видит в его лице человека, неспособного понять корни своих ошибок, неспособного понять, что он, вследствие вульгарности своих теоретических установок, вследствие отсутствия художественного вкуса, не может обеспечить «Новому миру» нужного руководства. Вот почему собрание отказалось выслушать до конца сбивчивые и противоречивые заявления Гронского и не согласилось продлить его время.

В выступлении В. Шкловского были правильные соображения о быте писателей и о работе издательств, где сидят, по его мнению, люди, предпочитающие переиздавать апробированные книги, нежели рисковать, издавая новые.

Но иногда высказывания Шкловского переходят в прямую истерию, кроме того, он слишком обильно украшает свою речь анекдотической приправой из невзначай оброненных кем-то шуточек, подслушанных словечек и т. п. Очень странно так же и то, что Шкловский возомнил себя лично стоящим вне самокритики, как будто ему нечего пересмотреть в своем литературном багаже, нечего переоценить и начисто отвергнуть. Было бы хорошо, если бы Шкловский сумел перекинуть мостик от красивых и принципиальных речей к не менее принципиальной практике.

А это далеко не всегда бывает, о чем правильно напомнил в заключительном слове т. В. Ставский, говоривший о чрезмерном пристрастии Шкловского ко всякого рода «литературным подрядам». Известно, что эти подряды зачастую являются простыми «кормушками» для некоторых писателей.

Тов. Ставский говорил также об извращениях самокритики, допущенных на собрании. В частности, это относится к тт. Овалову и Сейфуллиной. Овалов, не нашедший ни одного слова для постановки творческих вопросов, допустил в своей информации о бесхозяйственности союза совершенно обывательские нотки, нездоровые перегибы, от которых вынужден был отмежеваться на следующий день. Что же касается Л. Сейфуллиной, то она очень «своеобразно» поняла вопрос о критике недостатков творчества Вс. Иванова, — как право и «разрешение» вообще охаять этого подлинного, честного художника.

Тов. Ставский с негодованием, разделенным всей аудиторией, отверг такое опошление самокритики. Он подчеркнул, что вся задача именно в том, чтобы сберечь Вс. Иванова, любимого и ценимого массовым читателем, зарядить его новой волей и творческой энергией для того, чтобы он создал произведения, столь же убедительные и волнующие, как «Бронепоезд» и «Партизаны».

Слишком нервно воспринял, по мнению т. Ставского, критику собрания т. В. Киршон, ограничился какими-то нечленораздельными заявлениями Мирский, сбился на путь антипартийной клеветы Рожков. Не сумел стать на позиции самокритики и Иосиф Уткин. Тов. Ставский возражает против политики «круглого стола», как ее понимает Уткин, т. е. политики вульгарной уравниловки в отношении всех писателей. Цитируя безвкусные, антихудожественные строки из стихов Уткина, т. Ставский правильно заключает, что только преодолевая свои творческие ошибки, только давая полноценные произведения искусства, художник может претендовать на всеобщее уважение и признание.

Большую часть речи т. Ставский посвятил проблеме писательского быта. Он подверг суровой критике архииндивидуализм многих писателей, их изолированное, кабинетное существование, их уход от общественной и политической работы в прямом смысле этого слова.

— Давно пора покончить с легендой, будто общественная деятельность может помешать писателю! — восклицает т. Ставский. Он приводит в качестве наиболее яркого примера тов. Мих. Шолохова. Тов. Ставский рассказывает о большой партийной работе, проводимой Шолоховым, о его большой общественной активности, об органической, никогда не слабеющей связи его с народными массами. Именно это и питает творчество Шолохова, сообщает ему подлинный аромат и конкретность социалистической действительности.

Бурные аплодисменты, прервавшие в этом месте т. Ставского, свидетельствовали о полной солидарности собрания с докладчиком. Эти аплодисменты гремели и тогда, когда Ставский, говоря о психике нового человека, приводил в подтверждение своего аргумента изумительные по своему внутреннему смыслу факты, удивительные иллюстрации, собранные в разных краях нашей необ'ятной родины.

Писатели не могут не вдохновиться этими примерами. Но их в нашей действительности, разумеется, в сотни, в тысячи раз больше, чем в состоянии был привести т. Ставский. Они — наша повседневность. Нужно, чтобы советские художники с головой окунулись в эту повседневность — и тогда, только тогда они создадут произведения, которых требуют от них миллионные массы.

Академия наук СССР — Герцену

19—20 апреля состоится торжественное заседание отделения общественных наук Академии наук СССР, посвященное 125-летию со дня рождения А. И. Герцена.

На заседании намечено заслушать доклады: П. Лебедева-Полянского — «Герцен в истории русского общественного движения», академика Н. Державина — «Герцен и славянофилы», М. Нечкиной — «Герцен и декабристы» и В. Жирмунского — «Герцен и Белинский».

В поезде с Михаилом Кольцовым

ОТ НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Весть о предстоящем приезде Мих. Кольцова взволновала московских писателей и журналистов.

Ведь каждая из этих «корпораций» давно уже считает Кольцова своим. Но никогда еще эти притязания не были так сильны, как сейчас. Оно и понятно, ибо никогда еще, как сейчас, этот умный, талантливый, неутомимый человек, давно уже приобревший широкую популярность, не вызывал такого чувства гордости.

Работа Кольцова в Испании в качестве корреспондента «Правды» для всех его товарищей по перу наглядный урок мужества, оперативности, политического такта и мысли. И вместе с тем — урок той скромности, которая украшает журналиста.

Ни в одной корреспонденции Кольцова вы не увидите обыгрывания личных чувств и «переживаний», не встретите намека на выпячивание своей особы. Тем ярче выступает индивидуальность этого первоклассного журналиста, тем сильнее он завоевывает доверие читателя, тем больше крепнут к нему уважение и симпатии всего советского литературного мира.

... Поезд, идущий из Негорелого, останавливается в Можайске на несколько минут. От имени коллектива редакции «Литературной газеты» я приветствую Михаила Кольцова. В беседе нашей принимает участие художник Бор. Ефимов. На этот раз сдержанность М. Кольцова — явная помеха для нас, представителей печати. Он, дружелюбно улыбаясь, неуклонно отводит все вопросы, относящиеся к нему персонально. А настаивать не хочется, тем более, что побледневшее, осунувшееся лицо Кольцова говорит об усталости, которую как-то совестно не замечать.

Но эта усталость не отразилась на настроении Кольцова. Он, как всегда, весел, шутлив, ироничен.

Иногда даже создается впечатление, что не мы его интервьюируем, а он нас.

Особенный интерес проявляет он к литературному «житью-бытью»: интересуется итогами общемосковского собрания писателей, обсуждавшего положение в ССП в свете решений Пленума ЦК партии, расспрашивает о характере отдельных выступлений, о писательских настроениях, о планах перестройки союза.

Ряд высказываний М. Кольцова смыкается с положениями, которые неоднократно выдвигались на собрании в осуждение потребительских, иждивенческих тенденций у некоторых литераторов.

Избегая говорить о себе, Кольцов охотно делится впечатлениями о Мальро, Хемингуэе, Фейхтвангере и других виднейших представителях зарубежной антифашистской литературы.

Об Испании Кольцов говорит мало: бегло об этом не скажешь. Слишком велики масштабы происходящих там событий.

— Об этом я подробно расскажу в своей книге. Полагаю, что получится увесистый том. Материалов хватит с избытком. С первых дней пребывания в Испании я систематически вел дневник. Книга выйдет в издательстве «Советский писатель».

... На перроне Белорусско-Балтийского вокзала собралось много народа — писатели, журналисты, друзья, читатели. Горячими аплодисментами встречают они Кольцова. Многие протискиваются сквозь толпу, чтобы пожать руку человеку, который с честью носит звание литератора-бойца, литератора-большевика.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН

Можайск—Москва

8 апреля

8 апреля вернулся из Испании в Москву т. Михаил Кольцов. На снимке: М. Кольцов на Белорусско-Балтийском вокзале.

Снова о Лермонтове

ПИСЬМО ИЗ ЛЕНИНГРАДА

5 апреля в Ленинграде Институт литературы Академии наук СССР устроил открытое заседание, посвященное обсуждению статьи Н. Изгоева «Снова о Лермонтове» («Известия» от 16 марта), направленной против работ Б. Эйхенбаума о Лермонтове и резко критикующей его последние статьи: «Лермонтов» (предисловие к «Стихотворениям и поэмам» в малой серии «Библиотеки поэта») и «Пушкин и Лермонтов» («Смена», 1937, № 2).

Обсуждение вылилось в дискуссию об основных проблемах и задачах советской литературной науки, о борьбе с методологическими извращениями на литературоведческом фронте и перспективах плодотворного развития науки о литературе.

— Обсуждая статью Н. Изгоева, — сказал открывший дискуссию **О. В. Цехновицер**, — Институт литературы намерен обстоятельной критикой методологических ошибок проф. Эйхенбаума в его работах последнего времени способствовать развитию самокритики в среде литературоведов. Прямая и принципиальная научная самокритика может способствовать Б. Эйхенбауму в преодолении тех серьезных ошибок, на которые в основном правильно указал в своей статье т. Изгоев.

Б. М. Эйхенбаум остановился на двух вопросах: о тоне статьи Изгоева и ряде ее фактических ошибок по отношению к нему и о существе той критики его работ, которая дана Изгоевым.

Он протестовал против тона статьи Изгоева, против оскорбительных выражений, по его мнению, противоречащих принципам советского демократизма в литературной критике. Н. Изгоев, несмотря на своевременное его предупреждение Эйхенбаумом, приписал ему цитату из грубо-клеветнической бесподписной статьи о Лермонтове, состряпанной ныне разоблаченным фашистско-троцкистским бандитом Лелевичем.

Но, перейдя к «полемике по существу», Эйхенбаум обнаружил полное непонимание положительного характера и принципиальной направленности критики Н. Изгоева.

Выступившие в прениях Ю. Н. Тынянов, Н. К. Пиксанов, В. М. Жирмунский, Л. А. Плоткин, Б. Мейлах, А. Дементьев, А. Дымшиц и А. Грушкин отметили недопустимость тона полемики Изгоева, но в большинстве своем поддержали существо его выступления и осудили попытку Эйхенбаума обойти положительное значение критической статьи в «Известиях».

Проф. Н. К. Пиксанов показал методологическую несостоятельность работ Эйхенбаума о Лермонтове. Эти работы написаны всецело в традициях буржуазных комментаторов Лермонтова, и вся эйхенбаумовская концепция Лермонтова находится в резком противоречии с марксизмом—ленинизмом. Представления Эйхенбаума о декабристах явно антинаучны, основаны на непонимании ленинских взглядов на декабризм, без понимания которых невозможно плодотворное изучение поэзии Лермонтова.

Л. А. Плоткин подчеркнул, что нежелание Эйхенбаума следовать принципам марксизма — ленинизма в литературной науке влечет все те ошибки, которые систематически возникают в его работах.

Б. Мейлах считает сигнал «Известий» своевременным и нужным. В последнее время, в связи с ослаблением бдительности, на фронте литературной науки стали оживляться, маскируясь «под марксистов», различные идеалисты и формалисты. В качестве ярких примеров этого т. Мейлах называет последние работы Г. Гуковского и Н. Берковского. Г. Гуковский, совершенно в духе буржуазно-декадентских критиков, ориентирует на побочную, идеалистическую ветвь русской поэзии, как якобы ведущую в ее развитии. Он усердно реставрирует в литературе XVIII в. все наименее прогрессивное и малозначащее, и здесь, а не в поэзии великих классиков-реалистов, пытается усмотреть истоки русской поэзии. В своей новой работе по истории литературы XVIII в. Гуковский в основном тексте усиленно «марксизирует», оказываясь на деле типичным вульгарным социологом, а в «примечаниях и экскурсах», рассчитанных очевидно на «ценителя», он выступает как правоверный формалист. Н. Берковский за обильным идеалистическим пышнословием скрывает прямую политическую безответственность: в работе о немецком романтизме он не постеснялся усмотреть у романтиков сначала «пролетарские нотки», а затем и... предфашистские. Институт литературы, где работают Гуковский и Берковский, должен широко обсудить их работы.

А. Дымшиц считает, что Н. Изгоев правильно заострил вопрос об игнорировании Б. Эйхенбаумом наследия Белинского. Если Эйхенбаум и цитирует Белинского, то он тут же своими «комментариями» снижает смысл цитаты. Пренебрежение к классикам русской критики свойственно отнюдь не одному Эйхенбауму. Бывшие формалисты до сих пор не могут излечиться от недооценки «неудачного убийцы русской литературы», как назвал когда-то В. Шкловский великого революционера-просветителя Белинского. «Случай с Белинским» у Эйхенбаума не первый и не последний в практике «Библиотеки поэта». Ему предшествовала статья Ц. Вольпе о Жуковском, искажавшая взгляды Белинского. На-днях вышла книжечка стихов Бенедиктова, с предисловием Л. Гинзбург, в которой снова замалчивается Белинский, а на Бенедиктова Гинзбург, так же как и Эйхенбаум на Лермонтова, смотрит глазами Шевырева.

В заключительном слове Эйхенбаум согласился с выступавшими, что статья Н. Изгоева, несмотря на недопустимый ее тон, дала в основном правильную критику его работ.

Обсуждение статьи окажется плодотворным для его дальнейшей деятельности; оно поможет и другим литературоведам стать на путь нелицеприятной критики и самокритики.

Л. КАРПОВ

Ленинград

Плохая работа

От нашего киевского корреспондента

Два года писатели Киева ждали общегородского собрания. Врагам народа — Сенченко, Щупаку, Коваленко и им подобным эти собрания не нужны были. Засев в правлении союза, они культивировали подхалимство, групповщину, отстраняли от работы актив союза, задерживали рост литературы, глушили всякую попытку критиковать их преступные действия.

Теперь враги народа разоблачены. Писатели получили возможность заговорить полным голосом о наболевших вопросах, о том, что их сейчас волнует.

Три дня длилось собрание писателей Киева.

Говорилось много о том, что старая система и методы руководства все еще не изжиты, что секретариат и правление союза оторваны от массы, что элементы чванливости и зазнайства есть еще у некоторой части руководства.

Об этом говорит хотя бы тот факт, что правление союза, вместо поименного голосования кандидатур в президиум собрания, прибегло к старому «испытанному» способу: собрание вел президиум правления союза. Вполне прав был т. Первомайский, подчеркнувший это явное нарушение демократизма и указавший на то, что при поименном голосовании кое-кто из правления союза вряд ли сидел бы за столом президиума собрания.

О том, что не совсем изжита еще старая, осужденная система руководства, говорил в своем докладе и тов. **Кириленко**.

— В союзе советских писателей Украины, — констатирует он, — вели свою подрывную работу враги народа — троцкисты, националисты А. Сенченко, Щупак, Коваленко и другие.

Сенченко пытался переключить писателей с творческой работы на всякие парады, банкеты, торжественные приемы и выезды, на саморекламирование, он насаждал групповщину и подхалимство. Ясно, что в этих условиях о какой-либо демократии и самокритике в ССПУ не могло быть и речи.

Действуя методами провокации, противопоставляя беспартийных коммунистам, Сенченко пытался внести разлад в среду советских писателей. Игнорируя партгруппу и партком ССПУ, Сенченко единолично решал насущные вопросы литературного движения, давал оценки писателям, не прочитав ни одного их произведения. Этот литературный прохвост сам написал бездарную, вражескую пьесу, которую его верные пособники Щупак, Коваленко и Пронь пытались «вознести» как достижение украинской советской драматургии.

В том, что этот враг народа не был своевременно раскрыт, т. Кириленко признает и свою вину как председателя правления харьковской организации и ответственного секретаря ССПУ.

Этого не сделали и другие товарищи — коммунисты и беспартийные члены правления ССПУ.

— Мы несем большую ответственность, — заявил т. Кириленко, — перед партией и народом за то, что утратили революционную бдительность, не увидели настоящего лица врагов, не раскрыли их во-время. Сейчас наш коллектив писателей должен выкорчевать остатки вражеской работы.

Кириленко подвергает суровой критике работу журналов и «Литературной газеты» ССП Украины.

— Никак не может удовлетворить нас «Литературная газета» в том виде, в каком она сейчас находится. Вокруг нее должен быть создан крепкий актив критиков, молодых писателей-литературоведов, необходимо сделать газету боевым органом союза.

Говоря о работе секретариата ССПУ, т. Кириленко вынужден был признать, что с самого начала своего существования секретариат не сумел по-настоящему наладить работу союза. Секретариат не придерживался принципов демократизма и коллегиальности в руководстве союзом, в решении основных вопросов литературного движения. Часто секретариат решал такие вопросы, как исключение из союза того или иного писателя, и другие серьезные вопросы, забыв, что над секретариатом поставлены высшие руководящие органы союза, избранные на с'езде писателей, — правление и президиум.

Остановившись на работе секций, т. Кириленко дал особенно отрицательную оценку работе секции прозы.

С чем украинские писатели приходят к великой годовщине социалистической революции?

К сожалению, т. Кириленко не дал развернутой картины творческой работы украинских писателей. Он ограничился сухим перечислением авторов, и то не всех, совершенно не остановился на характеристике самих произведений. Ничего не сказал тов. Кириленко и о том, как конкретно правление союза помогает писателям в их творческой подготовке к двадцатой годовщине.

Развернувшиеся прения вскрыли много недостатков в работе президиума правления союза и секретариата.

Выступления писателей, особенно молодых, отличались резкой критикой руководства.

Поэта **Х. Гильдина** доклад т. Кириленко не удовлетворил, особенно в той части его, которая касалась подготовки к 20-летию Октября: она была похожа на «прейскурант имен украинской литературы». Гильдин указал на бездействие бюро еврейской секции, не созвавшей за год ни одного совещания еврейских писателей. Он бросает справедливый упрек тт. Феферу и Резнику, ездившим в Биробиджан и не удосужившимся собрать еврейскую секцию союза, чтобы рассказать, что они там видели. Резко критикует т. Гильдин и отношение к еврейским писателям руководителей Нацмениздата.

За последние годы выросли на Украине многие молодые писатели.

— Но что сделало правление союза для их творческого развития? — спрашивает т. **Иван Ле**. — Ничего не сделало. Оно не устраивало обсуждения произведений молодых писателей, не воспитывало их, не задумалось о том, почему некоторые члены и кандидаты союза — Савченко, Качура, Кирилюк, Ф. Якубовский и др. — «самоустранились» от творческой работы.

— «Литературная газета», — продолжает т. Ле, — часто из органа ССПУ превращалась в групповой орган. Свое утверждение писатель иллюстрирует примером явного подхалимства газеты. Достаточно было на совещании секции прозы раскритиковать роман Кириленко «Аванпосты», как «Литературная газета», очевидно для «равновесия», выпустила через несколько дней специальную подборку, восхвалявшую «Аванпосты».

Арк. Любченко, вспоминая о том резком категорийном делении писателей на «аристократию» и на «демос в литературе», который проводился в союзе во времена Сенченко, говорит о необходимости сплочения всей писательской массы.

Никак нельзя назвать самокритичным выступление **т. Тардова** — заместителя директора Гослитиздата Украины и редактора «Литературной газеты». Его выступление, как литиздатовца, свелось к отрицанию того, что издательство занимается переизданиями, и к обвинению писателей в нарушении ими договорных обязательств. Тардов не счел нужным подробнее рассказать о своих ошибках, как руководителя издательства, о том, что далеко «не в почете» у него молодые писатели и т. п. Почти совсем обошел т. Тардов свои грубые ошибки как редактора украинской «Литературной газеты». О подхалимской свистопляске ее вокруг бездарной пьесы врага народа Сенченко, в методах критики писателей в «Литературной газете» «по рангам» он и вовсе умолчал.

Л. Первомайский говорил об оторванности секретариата союза от писательских масс. Секретариат не знает, над чем работают писатели, и не делает попытки это знать.

— Табель о рангах все еще существует, — заявляет т. Бажан. — До сих пор старательно следят за тем, чтобы фамилии под документом строились в определенном порядке, чтобы правофланговый знал, кто будет на левом фланге. Еще существуют выборы «почетных граждан» в руководство секциями. Это должно быть искоренено. Необходимо вовлечь в руководство секциями молодые кадры, необходимо черпать новые силы для руководства творческой жизнью союза.

Выступавшие затем тт. **Талалаевский, Кацнельсон, Горенко, Шпак, Аронский, Гофштейн, Усенко и Рыльский** требовали коренной перестройки работы союза: создания атмосферы творческой дружбы (тов. **Рыльский**), чуткого отношения к «малым» писателям (т. **Аронский**), решительного поворота к писательской массе, энергичного привлечения всех писателей к активной творческой работе (т. **Усенко**).

В заключительном слове т. Кириленко не поскупился на точную, резкую формулировку плохой работы секретариата в целом и своей работы как ответственного секретаря. Тут же т. Кириленко наметил пути к радикальному улучшению работы союза.

Этого, однако, нельзя сказать о некоторых других руководителях союза, в частности о т. Панче, неправильно оценившем развернувшуюся на собрании критику секретариата. Заявления об отсутствии творческой помощи писателям со стороны правления Панч хотел «отвести» бухгалтерским отчетом Литфонда.

На общем собрании киевских писателей выступил с большой речью секретарь ЦК КП(б)У т. **М. Хатаевич**.

Говоря о задачах, стоящих в настоящее время перед литературой советской Украины, т. Хатаевич подчеркнул, что главной и единственной предпосылкой осуществления этих задач может явиться лишь всестороннее и последовательное развертывание самокритики в литературной среде. В первую очередь необходимо бороться против зазнайства, самомнения и переоценки некоторыми писателями своего мастерства. Много есть у нас таких писателей, которые не выросли еще и до уровня среднего мастера, а уже мыслят себя сверх-Бальзаками. В свете пушкинских дней с особенной остротой, по-новому встают вопросы борьбы за качество художественных произведений. Тут призвана сыграть большую роль критика. Тов. Хатаевич считает, что и на этом участке у нас далеко не все благополучно. Литературная критика на Украине, как, впрочем, и всюду в СССР, еще не научилась квалифицированно, конкретно подходить к людям, к их работе. Она еще не научилась проявлять беспощадность к врагу и чуткость к другу, зачастую сваливая того и другого в одну кучу.

Заключительную часть своей речи т. М. Хатаевич посвящает вопросам работы с молодежью.

Резолюция собрания требует решительной перестройки работы союза.

В ней подчеркивается необходимость борьбы за высокое качество произведений писателей, углубления воспитательной и политической работы среди писателей, развертывания большевистской самокритики, усиления подготовки к 20-летию Великой Пролетарской революции.

Советские писатели Украины послали приветственную телеграмму товарищу Сталину.

И. МАРКУС.

АННА КАРАВАЕВА

Письма к писателю

В кабинете Николая Островского все оставлено так, как было в день 22 октября 1936 г. В этот день Николай выехал в Москву, покинув светлый сочинский домик, и больше сюда не вернулся.

Но временами забываешь, что комната эта—уже необитаемая музейная комната. На стене около книжного шкафа висит шинель с зелеными петлицами и буденовка с зеленой звездой, подаренные Николаю молодыми пограничниками. В Москву он поехал в этой шинели. Широкие вмятины вдоль рукавов и плеч, кажется, все еще сохраняют линии его тонкой, высокой фигуры.

На лампу наброшен сложенный треугольником кусок красного шелка, и кажется—комната готовится к вечерней работе. На стене большая карта Испании, проколотая красными и черными флажками. На письменном столе в строгом порядке разложены блокноты разных размеров—подарки от комсомольцев шахт и заводов.

Но постель с высоко взбитыми подушками пуста

Мы кончаем приемку сочинского архива писателя. На круглом столе и на диване—нагромождения толстых папок. Все это—письма, письма, сотни, тысячи писем Тринадцать томов читательских писем к писателю.

Дружба, любовь, восторг, глубочайшее доверие и уважение, гордость за человека, за верного сына великой партии и родины,—вся эта многозвучная гамма человеческих мыслей и чувств, выраженная в письмах к писателю, особенно сильно показывает первое драгоценное свойство подлинного «инженера души»: творения его тысячами нитей неразрывно связаны с жизнями миллионов людей.

*

Ученица 9-го класса пишет Николаю Островскому:

«Я хочу, чтобы Вы услышали и мой голос! Вы его, конечно, слышите в массе счастливых голосов детей нашей страны, приветствующих Вас с каждым радостным утром».

Девушка-подросток, только вступая в жизнь, счастлива: «Светлый могучий образ Павки Корчагина ведет мой развившийся ум к цели». А цель ясна: «отдам всю себя моей могучей родине!».

Девушка уже восемь лет больна, болеет костным туберкулезом, но воля к жизни и борьба Павки Корчагина вдохновляют ее:

«Но я вылечусь!... Привет тебе, человек! Привет от всего живого, в унисон мне мыслящего, привет от весны, солнца, вселенной!».

Девушке этой, как сама она наивно-деловито поясняет, «17, 5 лет», но пафос ее нельзя об'яснить одной только юношеской романтикой. Книга помогла ей осмыслить великую, ни с чем несравнимую воспитательную силу социализма.

Советская школьница возмущена предательским выступлением Кнута Гамсуна против Карла Осецкого, который томится в фашистском плену.

«Сегодня я отсылаю два письма. Одно Вам, другое—Кнуту Гамсуну. Уверена, что Вы письмо получите. За второе не уверена. Одно из писем полно восхищения, любви, благодарности, второе же полно возмущения и негодования...

Остаюсь уверенная в мощи разума. А я живу в стране, где он может и должен развиваться так:

Рожденный в буре,
Есть капля бури!»

С этим письмом перекликается письмо девушки-комсомолки:

«В 1931 году партия и комсомол послали лучших людей фабрик и заводов на ликвидацию прорыва в Подмосковный бассейн. Я попала в число 500 Не буду говорить о трудностях, которые пришлось пережить. В 1933 году в апреле мне оторвало левую руку в шахте... Прошло уже три года... Последнее время мне было очень тяжело. Мне казалось, что я уже совсем отстала от жизни. Но сейчас, после этой славной книги, у меня как будто открылись глаза. Я сейчас чувствую, что потерять руку—это еще полбеды. Только вот нужно иметь столько бодрости духа и настойчивости, чтобы направить свои мысли в сторону более правильного мышления Главное—учиться. Я даю честное комсомольское слово, что в начале учебного года я настойчиво возьмусь за учебу без отрыва от производства».

Человек, жизнь которого в буржуазном обществе была бы ущемленной и жалкой, с гордостью рассказывает, что он—«бессменный комсорг группы глухонемых», что он все время учится в заочных школах и даже начал изучать английский язык.

«...Я горд за тебя, Коля! Горд потому, что ты член нашей комсомольской семьи».

И он сам, корреспондент Николая Островского, горд, потому что он «в авангарде», потому что его жизнь деятельна и полезна обществу. Восторгаясь Павкой Корчагиным, он видит, что правильно поступал, борясь с силами слепой и беспощадной природы.

«...Хотя жить-то не очень весело в мире тишины, я считаю себя самым счастливым, ибо я живу в Стране советов, которой руководит Сталин, наш вождь. Коля, мне хочется знать тебя поближе. Мы ведь с тобой на пути к одной цели жизни—к вершинам радости и счастья, которые наша страна с каждым днем все больше завоевывает».

Мы прочли множество писем и ни в одном—совершенно независимо от того, больной или здоровый писал его—мы не заметили ничего похожего на сентиментальную жалость или сладкое умиление: нет, читатели-корреспонденты, при всей их любви и уважении к этой замечательной человеческой жизни, относятся к ней в то же время как к реальному, крепко сработанному явлению,—иначе и быть не может!... Гете в разговорах своих с Экерманом отмечал, что любят и учатся люди у тех, кто «отвечает их природе». Вся сущность героев Николая Островского и его собственная жизнь исключительно полно отвечают природе советского человека.

Тысячи людей ярко, конкретно, зримо ощущают на себе влияние образов книги, испытывая при этом живейшее желание рассказать об этом автору

Рабочие кузнечного цеха сибирского завода «Трактородеталь» во время перерывов читали роман «Как закалялась сталь»:

«... Мы так сжились с Павлом Корчагиным, с таким нетерпением ждали каждую читку, чтобы скорее узнать об его судьбе... Жизнь была бы иной, если бы было больше таких, как Вы. А то среди нас еще много Чужаниных и Развалихиных. Ваша книга нужна, как воздух, как хлеб, и должна стать настольной книгой каждого трудящегося».

Под письмом множество подписей.

Однако читательские письма в подавляющем большинстве—индивидуальные письма, рожденные в минуты сосредоточенных размышлений и взволнованных чувств.

«Товарищ Островский, кто я? Кто мы все? Их много — сотни, тысячи, миллионы, которые жили в обстановке царизма, переживали горечь, безотрадную, невеселую жизнь, которые не жили, а тянули не по силам тяжелую лямку безрадостной жизни, которые только и думали: что ждет нас завтра?»—пишет инструктор горкома ВКП(б) из города Нальчика... «И вот прошли годы. Мечты стали действительностью... настала светлая, счастливая, зажиточная жизнь...».

Бывший батрак, который с шестнадцати лет пошел биться за революцию, тоже взволнован этим биографическим сходством, и он, подобно многим, увидел в книге «Как закалялась сталь» грозовые годы своей юности.

«... После ликвидации банд — учеба на командира в школе имени ВЦИК — Кремль... Я видел Ленина, я стоял в почетном карауле у гроба Ленина, и я дал клятву до конца своей жизни бороться за дело Ленина, за дело Сталина, за коммунизм!» И этот закаленный в борьбе человек, бывший курсант кремлевской школы, прочитав книгу Островского, с особенной силой почувствовал свежий, всегда молодой ветер нашего бытия:

«... Сколько энергии влилось в мои силы, сколько энтузиазма зажглось в моем сердце за дело рабочего класса...»

Павка Корчагин, грозный для врагов, бесстрашный, неутомимый, веселый поднимает и настраивает на боевой лад не только общее состояние духа, но конкретно помогает людям найти и укрепить в себе силы для преодоления своих недостатков и ошибок. В этом смысле очень характерно письмо деревенского учителя средней школы из Симферопольского района:

«... Я позавчера прочел Вашу книгу и два дня нахожусь под сильным впечатлением прочитанного. Я много читал и читаю, но не помню ни одной книги, которая могла бы произвести такое сильное впечатление. Прочитав Вашу книгу, я почувствовал бодрость, жажду жизни, уверенность в себе. Она дала мне исчерпывающий ответ на ряд вопросов, над которыми я так много думал, особенно за последнее время. Я воображал себя уже стариком. Вся работа комсомола для меня стала как бы пройденным этапом. Мне скучно было, у меня рождалась глупая мысль оставить комсомол... Заслуга Вашей книги в том, что она открывает глаза таким преждевременно состарившимся комсомольцам и снова возвращает им молодость и возбуждает новый, более сильный интерес к комсомольской работе. Передо мной встала история моего комсомола и образ героя-комсомольца Корчагина-Островского. Я его полюбил так, как не любил еще никого из героев прочитанных книг. Я его понимаю своей душой. Он мой идеал. Я хочу быть таким, как он».

Как должно быть совестно сейчас людям, которые в свое время «признавали» в Николае Островском «тип писателя» и оставляли под сомнением его талант художника, не сумев понять простой и важной вещи: «тип», т. е. писатель-большевик, и художник-боец были в нем неразрывно слиты.

Даже люди, живущие благополучной, спокойной жизнью, познакомившись с Павлом Корчагиным и его товарищами, чувствуют недовольство собой, стремление выбиться из уютного узкого домашнего круга.

«Я несколько раз плакала, читая Вашу книгу»,—пишет Николаю жена знатного человека, стахановца, мать здоровых цветущих детей, материально хорошо обеспеченная женщина. И вот она задумалась, затосковала:

«В ней (в книге.—**А. К.**) есть места, которые будоражат всю душу, будоражат сердца и делают энтузиастами людей, живущих будничной жизнью. Когда я читала, я так настраивалась, что думала: будь это сейчас, я все бы бросила и отдала все свои силы на то, на что Вы истратили их, милый Павел!»

Заставить плакать несчастного—это довольно просто, а вот Павел Корчагин заставил плакать счастливую молодую женщину. Много ли мы найдем таких примеров в литературе и жизни?

А вот другая, только что перенеся большую семейную драму, как за якорь спасения, хватается за мужественные слова Павла: «Шлепнуть себя каждый дурак сумеет всегда и во всякое время. Это самый трусливый и легкий выход из положения» и т. д. Женщина, которая еще не вполне изжила в себе мучительное разочарование обманутого чувства, называет Николая Островского «великим героем», «ярким маяком». «Без него я погибну», говорит она. Статья Мих. Кольцова о Николае Островском всегда у ней «под руками». «.. В тяжелые дни я перечитываю ее, и мне становится легче».

Есть немало писем, которые показывают, что авторы их впервые в жизни пишут такие письма: наивная неумелость и пылкость самого непосредственного чувства сквозят из каждой строки.

Вот одно из таких писем, написанное работником рика из Харьковской области:

«...Я с Вами никогда не был знаком. Однако сейчас хочется быть навсегда знакомым. Сегодня только что кончил читать Вашу книгу «Как закалялась сталь». Когда я прочел этот чудовищный (!) аппарат (!) человеческих душ, мне что-то хочется выразить, но у меня нет таких слов, чтобы выразить Вам самое ласкательное, что имеется в человеке при встрече с самым близким, самым родным самым любимым человеком. Читая это чудо, мне иногда хотелось почему-то заплакать, иногда хотелось смеяться без конца... Если бы я имел художество слова, я тысячу раз воспел бы тебя, дорогой товарищ Островский!... Я стал пропагандистом и агитатором твоей книги».

Очень много писем получал Николай от бойцов и командиров. Образ Павла Корчагина, верного и пламенного защитника своей родины, в среде красноармейских читателей особенно любим и высоко оценен. Вот что пишет (по поручению личного состава) полковой комиссар краснознаменного крейсера «Аврора»:

«... Мы познакомились с вашей жизнью и работой через прекрасную книгу «Как закалялась сталь». Прочитанная почти каждым краснофлотцем, командиром и политработником, она произвела неоценимое влияние на формирование классового сознания бойца сейчас, в мирных условиях, и более действенно повлияет на формирование героизма, мужества в боях за социалистическую родину».

Председатель красноармейского кружка пишет:

«Ваша книга не только показывает героев, она и рождает их»

Советская молодежь, которая охраняет границы нашей родины, нашла в лице Павла Корчагина своего героя, дух, характер, боевой темперамент. Советские пограничники пишут:

«... В случае необходимости дать сокрушительный отпор тем, кто посмеет посягнуть на неприкосновенность границ Страны советов, мы как один в этих боях будем Корчагиными и мы покажем, как закалялась сталь».

*

Таково содержание полутора десятков писем, которые составляют одну пятисотую огромного потока писем, полученных Николаем Островским со всех концов нашей родины. Можно с уверенностью сказать, что никто из писателей Советского Союза не ощущал вокруг своего творения такой горячей и могучей волны дружбы, любви, восторга, понимания.

В чем здесь секрет? Природа таланта и содержание творчества художника-большевика оказались глубоко родственными природе советского народа.

Николай Островский отличался великой скромностью и всегда любил повторять, что ему «надо учиться и учиться», хотя в литературу он вошел в основном сложившимся писателем.

Николай Островский учился у Пушкина и Горького, а в сложную работу творчества он внес ясность и четкость мысли, глубочайшее чувство ответственности за каждое слово, которому научили его партия, комсомол и Красная армия.

В работу творческого воображения он внес строгую правдивость, искренность и простоту Ему ясно, что любить и что ненавидеть. Его боевая страсть придавала еще большую силу и глубину его лиризму, и вот почему читатели говорят о Павле Корчагине: «Я его понимаю всей душой», «он мой идеал».

А что такое письма самих читателей к Николаю Островскому? Это своеобразная картина мыслей и чувств нашего советского общества, это идейно-моральное лицо его.

Великая сталинская Конституция открыла перед миллионами тружеников невиданные доселе в истории возможности и пути к счастью, справедливой и полноценной жизни. Советский народ знает, что это счастье выковывается в борьбе с врагами, в победе, в неустанном труде.

Счастливые, естественно, хотят быть сильными и вооруженными во всех смыслах, потому что, видно по всему, это счастье придется защищать в бою против каннибальских полчищ фашизма

Рука особенно крепко держит и владеет оружием, когда ум и сердце полны огня и решимости. И того писателя, который зажигает их этим огнем, советские люди любят и ценят, как своего друга, учителя и соратника.

14 апреля 1930 г. — В. В. МАЯКОВСКИЙ — 14 апреля 1937 г.

К семилетию со дня смерти

«Окна сатиры»

Неопубликованная подпись Маяковского

БДИТЕЛЕН БУДЬ!

1. Чтоб фронт подорвать наш,
Антанта устанавливала
военный шпионаж.
2. Пронюхают расположение
войск,
3. или выкрадут план, —
4. План врагу за золото сдан.
5. Если не следили за шпионами,
доверяя им,
6. приходилось расплачиваться
горбом своим.
7. Теперь война с разрухой. —
Чтоб фронт прорвать наш,
8. и тут враги устанавливают
шпионаж.
9. Пронюхают, пролезают
на завод,
10. расспрашивают:
как у вас вот это,
да это вот.
И заручившись сведениями,
11. несут для продажи,
12. или сами орудуют даже.
Товарищи, бдительны будьте!
О происках врагов не забудьте!

Главполитпросвет № 394.
1921. Октябрь

*

Это стихотворение взято с плаката Маяковского — его знаменитых «Окон сатиры».

Приведенные выше строки относятся к самому концу работы Маяковского над «Окнами сатиры» (в это время они выпускались уже не Роста, а Главполитпросветом). «Окно» — «Бдителен будь» является откликом на раскрытие в сентябре—октябре 1921 г. шпионских и диверсионных организаций, в которых близкое участие принимали эсеры-савинковцы.

В. Д.

Наша юность связана с Маяковским

Подготовляя к печати альбом «Окон Роста» Маяковского и разбирая подлинные экземпляры, нарисованные и написанные самим Маяковским, еще и еще раз убеждаюсь, насколько имя поэта близко связано с революцией.

Голод, тиф, борьба с ними, холод, разруха, восстановление транспорта, оборона страны, разгром Врангеля, Деникина, Колчака, польского пана, интервентов, — все это считал своей темой Маяковский.

Выразительный рисунок, к тому же многокрасочный, останавливает внимание и помогает слову быстрее и лучше запомниться. В те годы типографии не могли выполнять заказы на многокрасочную печать. Маяковский берется за кисть и собственноручно, не только словом, но и рисунком изо дня в день агитирует, призывает, воодушевляет.

Поразительны энергия, оперативность, художественная изобретательность Маяковского. Несмотря на срочность задания, на отсутствие необходимых красок, Маяковский создавал произведения высокого художественного качества.

Поразительна его трудоспособность.

В 12 часов ночи мне звонит Маяковский. «Завтра, в 9 утра надо сделать 12 плакатов Наркомздраву. Приезжайте работать». Я растерялся. Что за срок? Успею ли?

Минут 30 собирал краски, час ехал до Таганки. За эти полтора часа все темы и подписи были готовы. Маяковский примерно нарисовал и то, что надо было изобразить. Перед этим Маяковский приехал с какого-то выступления, где целый вечер читал стихи. «Я прилягу на час, полтора, сказал Маяковский, вы за это время все сделаете. Если не успеете, то потом помогу я».

Мне не верилось, что удастся сделать за эту ночь хотя бы два плаката, но сознаться было очень стыдно.

Встал Маяковский. «Ну, как? все готово? Ну, ничего, сейчас дело пойдет веселее». И действительно, дело пошло веселее. Указал, что плохо, что хорошо. Опыт у него в этом деле был колоссальный. Скажет, пройдется, шагнет в свою комнату, нагнется к столу, что-то запишет. Спросит: хорошо ли рифмуется то или другое слово, запишет и опять ходит. Так Маяковский работал. К утру ему еще надо было сдать стихотворение в «Комсомольскую правду».

В 8 часов плакаты были готовы. В 9 мы были с Маяковским в Наркомздраве, и он возмущался неаккуратностью сотрудников, которые приходят на работу с опозданием. Заведующий отделом пришел только в половине десятого. Маяковский обрушился на него: «Что же вы неточны. Плакаты просили вам в девять сдать, а сами еще спите».

Плакаты были все приняты.

1919 год. Я был студентом ВХУТЕИН. Стихи Маяковского мы все знали, многие из нас читали их наизусть. Запоминали стихи, слушая их в исполнении самого автора. Напечатанных книг Маяковского в то время было мало. С каждым словом запоминались и его движения, и образ Маяковского врезался навсегда в память. Странно, что никто до сих пор не написал его портрета. Это можно об'яснить только тем, что воспоминание о живом Маяковском слишком еще свежо в нашей памяти, и нам не приходило в голову, что кто-нибудь его себе неясно представляет.

Был канун 1 мая 1919 года. Не спали несколько суток, украшая город к празднику. Вечером сказали, что приедет Маяковский, и сотни сонных, усталых вхутеиновцев пришли, как один, точнее, чем на занятия, чтобы еще и еще раз слушать своего поэта. Грандиозный зал трещал от втиснувшихся в него вхутеиновцев. Сидеть было не на чем. Все стояли. Над морем голов возвышался Маяковский. Он читал третий час. Но его просили еще и еще.

Бейте в площади бунтов топот!
Выше гордых голов гряда! —

вторил зал, шевеля губами, и на всю жизнь запомнилось:

Мы разливом второго потопа
перемоем миров города.

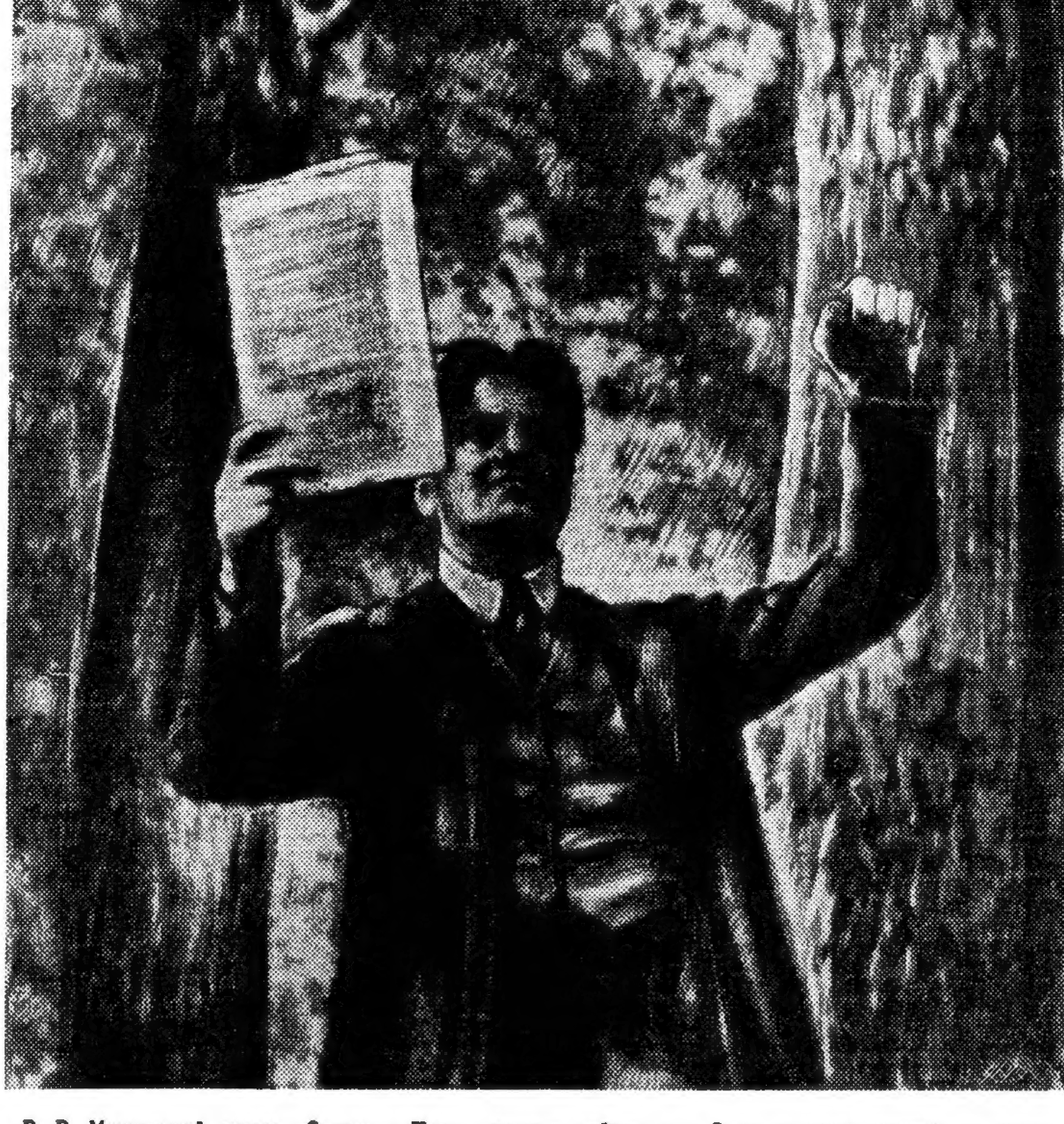
Наша юность, связанная с годами революции, неразрывно связана и с Маяковским. Народный трибун, неустанный глашатай, своими стихами он постоянно взбудораживал наше воображение. Маяковского мы обожали, впрочем, так же к нему относились и все вузовцы и, думаю, что все, кто его знал.

*

Я стоял у гроба Маяковского, я шел за гробом с толпой, и все же мне кажется, что он жив, что просто куда-то уехал, что завтра в газетах я прочту его стихи об Испании и снова и снова увижу его в аудитории Политехнического музея среди тысяч вузовцев, стоящих и сидящих везде, где осталось что-либо похожее на свободное место.

Таким я хочу его видеть и показать другим.

Н. ДЕНИСОВСКИЙ

В. В. Маяковский читает «Сказку о Пете — толстом ребенке и о Симе, который тонкий» на праздновании пионерами Дня леса 10 мая 1925 г. в Сокольниках.

Фото Владимирова

Любимый поэт миллионов

«Владимир Владимирович Маяковский является моим любимым поэтом. Его творчество, проникнутое борьбой за дело революции, насыщенное ненавистью к врагам рабочего класса; его неутомимая борьба с проявлениями старого быта, — глубоко лиричны, ярки. Меня не смущает форма его стиха: она мне понятна и не трудна, я не мог бы себе представить Маяковского, пишущего иначе. И скорее всего, тогда бы он и не был моим любимым поэтом»...

Это —отрывок из заметки рабочего завода им. Менжинского — Л. Порываева, напечатанной в заводской многотиражке. На заводе немало рабочих, глубоко понимающих и любящих лучшего поэта современности.

Заводская многотиражка «Менжинец» активно пропагандирует творчество Маяковского. В прошлом году она неоднократно печатала материалы, посвященные творчеству великого поэта, а 25 октября 1936 г. посвятила Маяковскому две полосы.

Готовясь к седьмой годовщине со дня смерти В. В. Маяковского, редакция многотиражки в номере от 9 апреля печатает статью и заметки о поэте. Номер газеты от 11 апреля будет целиком посвящен творчеству Маяковского.

15 апреля в клубе завода состоится лекция о Маяковском. Правление клуба наметило провести серию таких лекций для различных смен и групп рабочих. В бараках и цехах устраиваются громкие читки и беседы. В библиотеке завода открыта выставка, посвященная творчеству Маяковского.

*

— Рабочие завода им. Авиахима, — рассказывает сотрудница заводской библиотеки М. В. Лачинова, — очень любят и часто берут произведения Маяковского.

Его однотомник никогда не стоит на полке. С трудом можно достать и такие книги, как поэма «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо», «Мистерия-Буфф», «Облако в штанах» и «Оборонные стихи», которые всегда находятся на руках. Особенно увеличился спрос на произведения Маяковского после проведенной у нас конференции, посвященной творчеству поэта.

К седьмой годовщине со дня смерти Маяковского в библиотеке организуется выставка.

В клубе устраивается вечер памяти поэта.

*

— Маяковский — самый популярный и любимый поэт нашего студенчества, — сообщила нам заведующая библиотекой Московского университета т. А. И. Плетнева. Его книги берутся несравненно чаще, чем книги других современных поэтов. А из классиков один только А. С. Пушкин читается больше Маяковского.

13 апреля в клубе Московского университета состоится торжественный вечер, посвященный 7-летию со дня смерти В. В. Маяковского. На вечере выступят: Н. Асеев, А. Безыменский, А. Гидаш, Л. Кассиль, П. Маркиш, В. Перцов и др. Артист В. Яхонтов прочтет на вечере произведения Маяковского.

Новое издание собрания сочинений Маяковского

Гослитиздат приступил к изданию второго полного собрания сочинений Вл. Вл. Маяковского в 12 томах.

Это издание будет отличаться от первого собрания сочинений поэта тем, что проза Маяковского, составлявшая в первом издании отдельный том, распределена по годам и присоединена к стихам соответствующих периодов. Поэмы «150.000.000», «Про это», «Ленин», «Хорошо» печатаются в одном томе.

Текст произведений заново просмотрен и сверен с рукописями и черновиками.

Издание будет богато иллюстрировано.

В текущем году выйдут первый том (все, написанное Маяковским до 1917 года) и второй том (стихи с 1917 до 1925 г., а также статьи и выступления этих лет).

Тираж собрания сочинений — 25 тысяч экземпляров.

Последний — XIII — том первого издания собрания сочинений выйдет в этом году. Его содержание: автобиография поэта, библиография, письма.

Отдельными изданиями будут выпущены «Облако в штанах» с иллюстрациями художницы О. Синяковой, поэма «Хорошо» и иллюстрированная Н. Денисовским поэма «150.000.000».

Дом Маяковского

Дом на углу Больших Каменщиков и бывшего Гендрикова переулка выгодно отличается опрятным видом от покосившихся своих соседей. Это — Дом Маяковского, от которого и самый переулок получил свое новое название.

За решетчатой оградой, перед заново отремонтированным зданием — небольшой сад с расчищенными дорожками, со скамейками под развесистыми елями, с фонтаном и пьедесталом из красного мрамора для памятника великому поэту.

Широкая площадка ведет к дому.

В вестибюле — две лестницы: одна, направо от входа, закрыта теперь для пользования стеклянной стеной; по ней Владимир Владимирович поднимался к себе в квартиру. Другая, против двери, ведет к верхний этаж, правую часть которого занимает квартира-музей Маяковского.

Неприкосновенной осталась только эта часть дома. Вся остальная полностью перестроена и занята теперь библиотекой и читальными залами.

Ничто не напоминает прежних тесных жилых квартир в залитом солнцем большом круглом зале, где стены и окна заменены громадными стеклянными дверями, ведущими прямо в сад, в этих просторных комнатах-книгохранилищах, заставленных полками, на которых можно будет свободно поместить 40 тысяч томов.

Читальные залы, рабочие и приемные комнаты обставлены удобной, располагающей к работе мебелью. Мягкие кожаные кресла и диваны, специальные рабочие столики, лампы с приглушенным светом.

Нехватает в библиотеке только... книг. Новенькие дубовые полки зияют пустотой. Причиной этому — возмутительная волокита с «передачей» Дома Маяковского из одного ведомства в другое.

Моссовет закончил строительные работы по дому 15 октября 1936 года и в ноябре дом был передан союзу писателей. В декабре ССП СССР отпустил щедрой рукой Дому Маяковского 30 тысяч рублей: 2000 рублей на зарплату служащим, 16 тысяч на дооборудование и 12 тысяч рублей, т. е. примерно десятую часть представленной сметы, на приобретение книг.

Этим участие ССП в создании Дома-музея Маяковского ограничилось.

Если не считать еще 1000 рублей, полученных заимообразно в Литфонде, Дом Маяковского не получил от союза больше ни копейки, даже на зарплату его работникам.

29 января т. г. в Совнарком СССР был приглашен представитель союза писателей для того, чтобы решить, кто должен не только считаться, но и быть действительным хозяином Дома-музея Маяковского.

Ни один из секретарей союза на это совещание не явился.

В. П. Ставский был в отпуску, а т. Лахути в ответ на напоминание о заседании заявил, что он ничего не знает об этом деле и на заседание не пойдет. Вопрос с повестки был снят.

На втором совещании — 4 февраля, т. Лахути присутствовал. Там был решен вопрос о передаче Дома Маяковского из ССП в Наркомпрос РСФСР. Наркомпросу понадобилось 10 дней, чтобы притти к заключению, что Дом Маяковского должен поступить в ведение Библиотечного управления, которое затянуло приемку Дома-музея до утверждения сметы на его содержание.

5 апреля решением Совнаркома РСФСР утверждена смета Дома Маяковского. Надо надеяться, что теперь-то уж Библиотечное управление не заставит себя долго ждать.

Дом Маяковского должен был открыться еще к шестой годовщине смерти поэта. Он не откроется и к седьмой.

Предполагается, что музей и библиотека будут открыты ко дню рождения Маяковского — 7 июля. Но дирекция Дома Маяковского в состоянии будет выполнить это лишь в том случае, если Наркомпрос поторопится, наконец, с отпуском средств на комплектование книг.

На средства, полученные у союза писателей, было закуплено несколько сот книг по истории и теории литературы, по поэзии XX века и др.

Библиотеке предстоит собрать все издания произведений Маяковского.

Это едва ли не самая сложная из задач в комплектовании, так как каждая книжка поэта стала большой библиографической редкостью. Труднее всего найти издания, выходившие до 1922—23 гг.

Библиотеке уже удалось достать первые два издания «Облака в штанах» 1915 и 1918 годов.

Второму изданию предпослано предисловие автора:

«Второму изданию.

«Облако в штанах» (первое имя «Тринадцатый апостол» зачеркнуто цензурой. Не восстанавливаю. Свыкся) считаю катехизисом сегодняшнего искусства.

«Долой в а ш у любовь», «Долой в а ш е искусство», «Долой в а ш строй», «Долой в а ш у религию» — четыре крика четырех частей.

Долг мой восстановить и обнародовать эту искаженную и обезжаленную дореволюционной цензурой книгу.

В. Маяковский».

Из вестибюля библиотеки по внутренней лестнице можно подняться в квартиру Маяковского. Он жил здесь с 1926 года. После его смерти другие хозяева. с иными повадками и привычками поселились в этих стенах.

Потребовалось немало усилий, чтобы воссоздать квартиру в том виде, в каком она была при В. Маяковском. Начиная с передней и кончая ванной и кухонькой, восстановлена в квартире обстановка, окружавшая поэта.

В небольшой столовой — изразцовая печь, посреди комнаты — стол, покрытый скатертью, у стен — две банкетки. За стеклянными створками шкафа — чашки, расписная чайная посуда.

Смежная со столовой комната — кабинет Владимира Владимировича. Большую часть его занимает широкий полосатый диван, на котором лежало безжизненное тело поэта, привезенное из его рабочей комнаты на Лубянском проезде 3... На большом открытом бюро — четыре тома словаря Даля. В углу, за шкафом — большой кожаный чемодан, с которым поэт путешествовал по советской стране и за ее границами.

В одной из комнат, в платяном шкафу — осеннее пальто, ботинки, фетровая шляпа и широкий клетчатый джемпер, — сразу видно — с большого, широкоплечего человека.

Ничего особо примечательного, никаких музейных раритетов... Но сознание, что все эти вещи окружали «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи», внушает чувство любовного внимания к каждой детали...

Н. ПЛИСКО

Новаторы

Пушкин явился преобразователем и создателем русского литературного языка, и в этом его величайшая историческая заслуга перед русским народом, язык которого теперь стал языком победоносного социализма, распространяющегося на весь мир.

Феодально-крепостническая Россия с пренебрежением относилась к языку своего народа. В дворянских усадьбах, в великосветских салонах говорили главным образом на языке французском. Этим как бы еще больше подчеркивалось различие между знатью и простым народом. Язык официальных приказов, язык чиновничье-бюрократической знати носил черты древнего церковно-славянского языка.

Естественно, что этот язык не мог обеспечить даже в самой малой степени истинного реалистического отражения мира. Вот почему Пушкин с таким упорством, с гениальной неутомимостью вел борьбу за создание русского литературного языка. Он, этот язык, по мысли Пушкина и его ближайших друзей, должен был помочь общению с народом.

Революция, которую произвел Пушкин в языке, должна была помочь готовящейся революции против помещичье-бюрократической тирании. И в той литературной борьбе, которая велась против карамзинистов и шишковистов, представлявших лишь различные группки внутри дворянско-реакционного лагеря, оказалась жизненной демократическая тенденция, борющаяся за создание русского литературного языка.

Но Пушкин учитывал, что язык — это живой организм. Он растет, развивается, и потому создатель литературного языка обязан учитывать различные его струи. Пушкин по своему культурному уровню был одним из самых передовых людей Европы. В сознании величайшего гения, культурнейшего человека своей эпохи соединились различные струи языковой стихии, и таким образом был создан новый органический сплав — русский литературный язык.

«Я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота ему более пристали» — так писал Пушкин к кн. Вяземскому в 1823 г.

Бесспорно, что основой русского литературного языка, созданного Пушкиным, был разговорный язык русского народа. Но не все было принято из того, чем владел русский народ. Прежде всего местные речения, провинциализмы в разговорном языке — были отвергнуты.

В черновой рукописи заметки о критиках поэмы «Полтава» Пушкин писал: «Слова — **усы, визжать, вставай, рассветает, ого,** показались критикам низкими, бурлацкими: признаюсь, низкими словами я почитаю те, которые пошлым образом выражают какие-нибудь понятия, например, нализаться вместо **напиться пьяным** и т. п. Но никогда не пожертвую искренностью и точностью выражения — провинциальной чопорности, из боязни казаться простонародным славянофилом и т. п.» *.

Но народной стихией не ограничивались источники, из которых складывался пушкинский литературный язык.

Пушкин прекрасно учитывал и необходимость создания языка отвлеченного, языка понятий, языка науки, отсутствовавшего в тот период в русском лексиконе. Этот отвлеченный язык был прекрасно разработан в западноевропейских языках: немецком, французском. Вот почему Пушкин учитывает и это обстоятельство: «Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится еще в диком состоянии... дай бы ему бог, — говорил Пушкин, — когда-нибудь образоваться наподобие французского языка».

* Цитируем по статье Б. Мейлаха «Создатель русского литературного языка». «Литгазета» № 6, 1937 г.

Мы, читатели Пушкина, усвоившие литературный язык, не представляем себе, какую поистине титаническую работу проделал Пушкин. Нам нелегко понять, как в его время реакционные круги воспринимали смелые, новаторские стихи Пушкина, ибо с детства еще мы привыкли к его стихам и считаем их нормой и недосягаемым образцом. А в то время они принимались в штыки, подвергались грубым насмешкам критиков, не видевших дальше своего носа.

Зима. Крестьянин, **торжествуя,**
На дровнях обновляет путь.
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь.

По поводу этих стихов один из критиков, современников Пушкина, иронически писал: «В первый раз, я думаю, **дровни** в завидном соседстве с **торжеством**». И как было в самом деле не удивляться и не иронизировать критику: ведь церковно-славянское «торжествуя» — принадлежность высокой одописной поэзии XVIII века — поставлено здесь в ряд поэтических слов, немыслимых по понятиям того времени: «дровни, плетется как-нибудь». Но заслуга Пушкина и состоит в том, что он ассимилировал в этом контексте слова «высокого» стиля со словами «низкого», он сделал поэтическими слова, выражающие конкретные понятия крестьянской народной жизни и народного обихода, сделав их общеупотребительными, а не «позорными», как это сложилось в понятиях шишковистов и карамзинистов.

Величайшая заслуга Пушкина состоит в том, что он не ограничивал источников создания подлинно литературного языка. Он черпал слова из самых различных пластов, но руководствовался при этом определенными принципами, которые, по его же определению, сводились к следующему: «истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности». Вот этот истинный вкус, чуждый личного, это гармоническое ощущение целого и позволило Пушкину, наперекор бешеному лаю критических шавок из шишковистского лагеря, смелою рукою новатора и гения выработать принципы жизни подлинно литературного русского языка. На этом литературном языке создано бесконечное богатство, принадлежащее не только нашему народу, но и народам всего мира — творчество А. С. Пушкина.

Когда вчитываешься в строки гениальных, по-настоящему новаторских пушкинских творений, когда конкретно представляешь себе жизнь этого, разящего врагов стрелами своих сатирических посланий, человека, его борьбу за создание литературного языка, невольно приходит на память наш великий современник — Владимир Маяковский.

Его борьба за новый литературный язык сродни той борьбе, которую вел Пушкин. Язык великой социалистической революции, переплавленный в поэтические образы, нашел лучшее свое выражение в творчестве лучшего, талантливейшего поэта нашей эпохи. Огромно значение гигантской работы по освоению поэзией языка улицы, языка революции, проделанной Маяковским. На первых порах поэтической деятельности Маяковского социальный адрес языковых преобразований еще был неточен. Он знал, что поэзия символистов, весь русский литературный декаданс не могут отвечать новым требованиям. Он чувствовал подземный гул грядущих революций, чувствовал дуновение нового времени социальных катастроф, движений уличных толп. Он знал, что декадентская поэзия неспособна выразить новых понятий и потому ставил себе задачу создания поэтического языка толпы, языка улицы, языка масс.

Пока выкипячивают, рифмами
пиликая,
из любвей и соловьев какое-то
варево,
Улица корчится без'языкая —
ей нечем кричать и разговаривать.

Он видит и ясно ощущает, как «улица муку молча» прет, что в ее лексиконе есть только одно слово «идемте жрать!», но он уже себя ощущает творцом новой жизни. Люди его эпохи уже держат «в своей пятерне миров приводные ремни», и потому он призывает уличную толпу, — говоря ее словами, — к восстанию:

Выньте, гулящие, руки из брюк —
берите камень, нож или бомбу,
а если у которого нету рук —
пришел чтоб и бился лбом бы.

Как уже это было непохоже на поэзию символистов! Как эти строки взрывали привычные представления о гладком и причесанном стихе. Как эти призывные стихи взрывались бомбой в затхлом мирке декадентщины! Если бы эти стихи дошли до людей, которые перед империалистической войной на Красной Пресне и на Литейном брали в руки револьвер, бомбу и строили баррикады, если бы эти стихи дошли до тех, кто подготовлял скорое наступление революции, то они были бы им в какой-то мере, в какой-то степени уже понятны, ибо они будили, призывали к борьбе.

Маяковский начинает вести борьбу за грубую, может быть, но зато реальную конкретность смысла слова, хотя определенность эпитета, метафорического сравнения теряет еще часто свою реальность и прямую конкретность благодаря общей символичности образа, замысла отдельной картины. Ибо, отталкиваясь от символизма, Маяковский нес в своем творчестве черты символизма. Достаточно здесь указать на бросающееся в глаза сходство трагедии Маяковского «Маяковский» и «Балаганчика» Блока.

В дореволюционный период новаторство Маяковского, его бунт против символизма содержали еще очень много мотивов внутрилитературной борьбы и потому не имели еще широкого распространения. Но начало, исходный пункт борьбы Маяковского против символизма выбран правильно. Основой поэзии является слово, язык, и потому первые шаги Маяковского, это — языкотворчество, новаторство в области языковой поэтической основы. Маяковский создает неологизмы, инверсированный строй речи, близкий к разговорному языку, отсюда меняется у него и строй стиха, разрушается не только его семантика, но вслед за ней ритмика, строфика; стих становился **интонационным.**

Великая социалистическая революция, изменившая социально-политический и экономический уклад жизни, создала новые принципы культуры, изменила строй человеческих чувств и речи. Заслуга Маяковского и состоит в том, что он ускорил процесс революционизирования языка, процесс приобщения языка революции к языку социалистической поэзии и смелой работой новатора, великого художника, не выбирающего себе путей, «чтоб протоптанней и легче», преобразовал, произвел революцию в поэтическом языке.

Он вел огромную работу над поэтическим словом. Вспомните, как он мучительно искал в течение трех месяцев необходимые слова, для того чтобы написать стихи о смерти Есенина. Об этом Маяковский неоднократно говорил в своих стихах. Классическое выражение отношения Маяковского к поэтическому слову было дано им в «Разговоре с фининспектором».

Поэзия
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
Тысячи тонн
словесной руды.
Но как
испепеляюще
слов этих жжение
Рядом
с тлением
слова-сырца.
Эти слова
приводят в движение
Тысячи лет
миллионов сердца.

Маяковский всю жизнь свою постигал тайну слова, вот почему он, подобно Пушкину, мог сказать:

Я знаю силу слов, я знаю слов
набат,
Они не те, которым рукоплещут
ложи.
От слов таких срываются гроба
Шагать четверкою своих дубовых
ножек.

Да, Маяковскому пришлось вынести гигантскую борьбу за внедрение непоэтических (так говорили критики воронско-полонского типа, оруженосцы троцкистских идей) слов, как пролетариат и капитализм, за выражение новых чувств, рождающихся в социалистическом человеке. И Маяковский, обращаясь к этим критикам, издевательски говорил им после изображения (в поэме «Ленин») истории российского капитализма.

Знаю,
лирик
скривится горько,
критик
ринется
хлыстиком выстегать:
— А где ж душа?!
Да это ж —
риторика!
Поэзия где ж?
Одна публицистика!!
Капитализм —
неизящное слово,
куда изящней звучит —
«соловей»,
но я
возвращусь к нему
снова и снова.
Строку
агитаторским лозунгом взвей.
Я буду писать
и про то
и про это,
но нынче
не время
любовных ляс.
Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс.
Пролетариат —
неуклюже и узко
тому,
кому
коммунизм — западня.
Для нас
это слово —
могучая музыка,
могущая
мертвых
сражаться поднять.

Вот эти слова приобретали у Маяковского поэтический смысл, облекались живой поэтической плотью, насыщались чувствами, волнующими миллионы и миллионы людей, вступивших во всемирно-исторический бой с капитализмом. Величайший поэт народа, инженер человеческих душ Маяковский в результате гигантской работы приобщил к литературному языку словарь революции, сделав его звучным, полновесным, волнующим.

Вот почему, обращаясь к создателю русского литературного языка, Маяковский с такой смелостью, шокировавшей в то время многочисленных критических Беккеров, сказал:

После смерти
нам
стоять почти что рядом;
Вы на Пе,
а я
на эМ.

Ибо в трудной литературной борьбе Маяковский знал свою правоту, понимал исторический размах своей борьбы за создание литературного языка революции.

В. Маяковский. О литературе

Казалось бы ясно...

Поэт и газета — это сопоставление чаще и чаще выныривает из газетных статей.

«Чистые» литераторы орут: газета снижает стиль, газета повседневностью оттягивает от углубленных тем. «Газетчик», с легкой руки Тальникова, начинает становиться в определении писательских размеров чуть не бранным словом.

В последних критических статьях (Гроссман-Рощин в журнале «На литературном посту», Тальников в «Красной нови», Горбов в «Красной ниве» и т. д.) это эстетское высокомерие начинает становиться угрожающим, тормозящим революционную литературу фактом.

Газетчики, отгрызайтесь!

Газетчик против углубленных тем. Ерунда! Мелочность темы это — мелкота собранных фактов.

Можно написать основанный на случайном событии памфлет на Чемберлена. Давать углубленную литературу — это не значит заменить Чемберлена космосом. А это значит подобрать именно на этого Чемберлена большее число именно его касающихся фактов, типизировать, систематизировать, обрабатывать, но с единственным устремлением, — если фельетон был щелчком, — углубленная литературная вещь пусть ляжет кулаком на чемберлений цилиндр.

Всегдашний наш лозунг агитлитературы и огазечивания сегодня акцентируется по-новому. Мы — за единственную борьбу активных агитаторов строительства коммуны против эстетов с проповедью аполитичности, против отображений задним числом и прочей архаической и мистической чуши.

Мы настолько сейчас изощрены в поэтической технике и в способах владения словом, что состязаться в этой области скучно и непродуктивно.

Было много противоречивых определений поэзии. Мы выдвигаем единственное правильное и новое — это «поэзия — путь к социализму».

Сейчас этот путь идет между газетными полями.

Нелепо относиться к газете как к дурному обществу, принижающему поэтическую культуру. Технически газета это — 1.000.000 экземпляров и больше ничего.

Давай газете, пропуская через газету вещи любой литературной точности. Злободневность вещи является результатом не наспех склеенных строк, а запасом поэтических оборотов и заготовок, делаемых поэтом загодя, но в тренировке на быстроту выполнения и отзыва по массе аналогичных фактов.

Газета не только не располагает писателя к халтуре, а, наоборот, искореняет его неряшливость и приучает его к ответственности.

Чистое поэтическое толстожурнальное произведение имеет только один критерий — «нравиться». Работа в газете вводит поэта в другие критерии — «правильно», «своевременно», «важно», «обще», «проверено» и т. д. и т. д.

Эти требования возбуждают поэтическую изобретательность. Например в «Комсомольской правде» есть литературная страница. На ней часто появляются стихи. В разгар борьбы с хулиганством какой-то поэт писал в лирическом стихотворении о подстреленной им птице что-то вроде:

Горами прокатилось эхо.
Убил я птицу.
Для чего убил?
А просто так, для смеха.

Разве убийство для смеха не есть лирическая апология хулиганства?

Я нарочно привожу пример наиболее близкой мне и правильно бьющей газеты, конечно, не могущей сделать такой ляпсус ни в одной публицистической заметке, привожу только как разницу подходов. Здесь вина исключительно поэта. Поэт чувствует свою полную безответственность. Из меня, мол, оргвыводов делать не будут. Прочтут и забудут.

Сегодняшний лозунг поэта — это не простое вхождение в газету. Сегодня быть поэтом-газетчиком — значит подчинить всю свою литературную деятельность публицистическим, пропагандистским, активным задачам строящегося коммунизма.

Только с этой точки зрения надо понимать лозунг, выдвигаемый нами в противовес бывшим лефовским лозунгам — «амнистия стихам и поэмам».

До сих пор литературные группировки боролись между собой по формальным отличиям. Стеклов — за ямбы, а Леф — за другие размерчики.

Сейчас мы против литературных борьбищ!

Мы, газетчики, часто сами виноваты в умалении нашей работы. Мы прибедняемся, завидуя вдохновенным, и почесываем им пятки рецензиями, библиографиями, отчетами и т. п.

Нам надо пересмотреть писателей без различия родов словесного оружия — по их социальной значимости.

* * *

Статья Маяковского «Казалось бы ясно» появилась в журнале «Журналист» № 4 в феврале 1929 г. Ни в один сборник, ни в собрание сочинений Маяковского она не вошла. Статья была напечатана в разделе «Дискуссия» под общим заголовком «Газета и литература». Рядом с ней был напечатан «Ответ» Вяч. Полонского, написанный в резко полемических тонах. Соглашаясь с Маяковским, что «газете нужна литература» и «литературе нужна газета», Полонский в то же время считал, что газетная работа Маяковского ничего не дает газете и читателю. «В. Маяковский и его друзья, — писал Полонский, — появляются в газете. Выигрывает ли что-нибудь? Нет».

Вряд ли сегодня нужно об'яснять грубую ошибочность этого голословного утверждения Полонского. Она лона...

Критик Тальников упоминает Маяковского в связи с его статьей в книге № 8 «Красной нови» за 1928 г., в которой он резко отзывался о Маяковском и о заграничных стихах и очерках Маяковского.

«Амнистия стихам и поэмам» — лозунг, провозглашенный Маяковским на докладе «Левее Лефа» в сентябре 1928 г. в Политехническом музее. На этом докладе Маяковский выступил против огульного отрицания лефами всех будто бы отживших форм искусства и заявил, что он «амнистирует» и Рембрандта, и песню, и поэму — но с тем условием, — чтоб они работали на социалистическое строительство. (См. отчеты об этом вечере в газетах «Комсомольская правда» 28 сентября 1928 г., «Наша газета» 28 сентября и «Вечерняя Москва» 27 сентября).

В. К.

Выступление на обсуждении «Бани» в клубе 1 образцовой типографии 30 октября 1929 г.

Я скажу несколько слов относительно выступавших здесь товарищей. Прежде всего должен сказать, что я никогда не считаю какую-либо вещь законченной, сделанной, что я, мол, «памятник себе воздвиг нерукотворный». Я твердо верю в творческие силы рабочего класса и прибегаю к нему за помощью, чтобы этот нерукотворный памятник сделать рукотворным. Я всякие замечания принимаю к сведению и стараюсь ими воспользоваться.

Тут один товарищ указал, что я осмеиваю трудности. Он ссылался в подтверждение этого на то, что вот Победоносиков диктует машинистке — раньше, мол, ездили в трамвае по 5 копеек, а теперь по 10 копеек. Но я здесь осмеиваю не наши трудности. Я осмеиваю бюрократический подход. Бюрократу все кажется хорошо, все нравится. А мы говорим: как бы так сделать, чтобы, если раньше ездили за 5 копеек, теперь ездить за 4? Ведь наш 10-копеечный трамвайный тариф ввиду был принят с точки зрения рабочей целесообразности. Я бичую бюрократов в этом примере, как и во всей пьесе. Оптимистенко — тоже образец бюрократа, его дополняет мадам Мезальянсова. Или вот еще пример (этот персонаж в том отрывке, который я прочитал, выступает очень мало), это Иван Иванович, который по всякому поводу звонит Сергею Никитичу, а если Сергей Никитич несогласен, то Никандру Федотовичу, а если Никандр Федотович несогласен, то тогда Семену Парамоновичу. Все эти типы вместе должны составить общую фигуру бюрократа.

Указывали на то, что Чудаков изобрел такую пустяковую вещь, как машина времени. Нет, товарищи, то, что мы нашу пятилетку выполняем в четыре года, это и есть своего рода машина времени. В четыре года сделать пятилетку — это и есть задача времени. Как суметь себя и свое время сорганизовать так, чтоб пятилетку в четыре года сделать. Это — машина темпа социалистического строительства.

Далее говорили, что я дал своему Изобретателю фамилию Чудаков. Я выступал на с'езде изобретателей, и я знаю, что изобретатель действительно, прежде всего, чудаковатый человек. Я знаю изобретателей, как людей, занятых своей идеей, которые надеются, что за них по организационному вопросу вступятся товарищи, и поэтому хотят заниматься своей работой, и часто им бюрократ в такой работе становится поперек дороги. Я не хотел его дурачком сделать.

Затем товарищ говорил о том, что концовка недостаточно слажена. Вот и Мейерхольд мне указал, что может быть, фейерверк чрезвычайно простое разрешение дела — это внешняя красивость. Я подходил к этому вопросу так, чтобы и агитация была, и завершение было фееричным. Я и думаю, что это очень интересно и в театре до сих пор не применялось. Я хочу, чтобы получилась и агитация — бюрократов подпустили, и под конец фейерверк запалили, так что в Большой театр ходить незачем, там прямо Сокольнический круг, а не театр. Вот мой подход. Но это не значит, товарищи, что я от больших проблем отгораживаюсь дешевыми эффектами. Я хочу, чтоб агитация была веселая, со звоном.

Я очень благодарен товарищам, что они подбодрили меня. Если бы рабочим я был непонятен, я, думаю, они не сидели бы здесь. А я вижу — сидят и слушают, и смеются в нужном месте, где я написал, чтобы смеялись, — значит понимают, а то чего же смеяться стали бы? И напрасно меня товарищи обвиняют в том, что я сюда пришел после двух выступлений в Политехническом музее. Может быть товарищи думают, что я в Политехническом музее выступал перед тем, как на один день из Соловков приехал? Там тоже сидели советские служащие, вузовцы, рабочие. У меня 150 мест есть, которые я раздаю сам. Там тоже аудитория квалифицированная, мне нужно выслушать и их мнение, и поэтому напрасно думают, что я подлизываюсь. А я к хозяину в последнюю очередь прихожу. Если бы я пришел к вам и просил — выслушайте меня, меня никто не хочет слушать, — тогда другое дело. Я не подхожу к вам бюрократически — отзовись, и с колокольней долой. Я по-действительному хочу увидеть и услышать то, чего я не понимаю. Вы понимаете такие вещи, которых я не понимаю, и наоборот, те вещи, которые я знаю, — вы не знаете. Я очень благодарен аудитории за внимание и обещаю все свои вещи читать у вас.

* * *

Выступление состоялось 30 октября 1929 г. на вечере, организованном редакциями журнала «Даешь» и газеты «Жизнь печатника». Маяковский прочел три акта «Бани», после чего состоялось обсуждение. Речь Вс. Мейерхольда на этом вечере и несколько отзывов выступавших рабочих были напечатаны в журнале «Даешь», 1929 г. № 12.

Речь Маяковского печатается впервые по стенограмме, сохранившейся в бумагах Маяковского. Стенограмма не правлена Маяковским.

Выступление на II с'езде союза воинствующих безбожников 10 июня 1929 г.

Товарищи! Федерация советских писателей поручила мне приветствовать второй с'езд безбожников. Товарищи, я с некоторой неловкостью принял это предложение и охотно бы от него отказался, так как считаю его немножко вегетарианским. Если бы они мне дали две-три антирелигиозных пьесы, или если бы они дали мне 10—15 антирелигиозных романов, то я пришел бы сюда, выложил бы на стол и сказал: вот вам наши приветствия. К сожалению, товарищи, наша антирелигиозная литература еще слаба. У нас были величайшие богоборцы, скажем, как Достоевский, величайшие богоискатели и богостроители, скажем, Толстой, у нас были просто величайшие богодураки, огромное количество мелких лирических подпевал а ля:

Дорогой изумительный боже,
помоги пролить мне любовь,
И из листьев последнее ложе
для раба своего приготовь...
и т. д.

Мы можем уже безошибочно различать за католической сутаной маузер фашиста. Мы можем уже безошибочно за поповской рясой различать обрез кулака, но тысячи других хитросплетений через искусство опутывают нас той же самой проклятой мистикой. Владимир Ильич в письме к Горькому писал, что католический священник в сутане, растлевающий девушек, не так страшен, как демократический поп без рясы, закручивающий нам головы красивыми словами. Мы обещаем работой ответить на призыв с'езда. В наше время мы должны со всей ответственностью сказать, что если еще можно так или иначе понять безмозглых из паствы, вбивающих в себя религиозное чувство в течение целых десятков лет, так называемых верующих, то писателя-религиозника, который работает сознательно, и работает все же религиозничая, мы должны квалифицировать или как шарлатана или как дурака.

Товарищи, обычно дореволюционные ихние собрания и с'езды кончались призывом: «с богом», — сегодня с'езд кончится словами: «на бога». Вот лозунг сегодняшнего писателя.

* * *

Маяковский выступал с приветствием от Федерации писателей на открытии II с'езда СВБ 10 июня 1929 г.

После приветствия Маяковский прочел с'езду свое стихотворение «Шесть монахинь».

Печатаем по тексту стенографического отчета II с'езда СВБ (изд-во «Безбожник», М. 1930). В собрание сочинений не вошло.

Кому принадлежит цитируемое Маяковским четверостишие — мы не установили.

Письмо В. И. Ленина М. Горькому, о котором упоминает Маяковский, написано в ноябре 1913 г. из Кракова. Владимир Ильич писал:

«Католический поп, растлевающий девушек (о котором я сейчас случайно читал в одной немецкой газете), — **гораздо менее** опасен именно для «демократии», чем поп без рясы, поп без грубой религии, поп идейный и демократический, проповедующий созидание и сотворение боженьки. Ибо первого попа **легко** разоблачить, осудить и выгнать, — а второго **нельзя** выгнать так просто, разоблачить его в 1000 раз труднее, «осудить» его ни один «хрупкий и жалостно шаткий» обыватель не согласится».

(Сочинения Ленина, т. XVII, изд. 3-е, стр. 82).

Союз советских писателей Грузии возбудил ходатайство перед правительством Грузинской ССР об организации музея В. В. Маяковского в доме, где родился Маяковский в селе Багдади, под Кутаиси, и сооружении памятника поэту.
На рисунке И. Тимофеева — улица имени В. В. Маяковского в Багдади.

А. ДЫМШИЦ

«Пушкин и русский романтизм»

К столетию трагической гибели великого поэта наша литературная наука и литературная критика подготовили много интересных и значительных работ. Множеством ценных публикаций, статей, отмеченных новизной и оригинальностью ряда положений, биографических очерков, проблемных и историко-литературных исследований откликнулась наша литература на знаменательную дату, имеющую для нас не только мемориальное, но прежде всего огромное общекультурное значение.

В ряду этих работ несомненно видное место принадлежит специальной работе Б. Мейлаха, его книге «Пушкин и русский романтизм».

Ценность и значение книги Б. Мейлаха определяются прежде всего сочетанием теоретического кругозора с большой конкретностью наблюдений и выводов, богатством и тщательностью в подборе фактических материалов. Этим единством методологических установок и конкретного анализа историко-литературных явлений, их органическим взаимопроникновением отмечена вся работа тов. Мейлаха в целом. И это обстоятельство явилось для автора и для его работы верной гарантией против вульгарного социологизирования, против вреднейшего антиисторического, априорного обобщательства, которые еще частенько у нас встречаются.

Исследование Б. Мейлаха — работа специалиста-пушкиниста. Автор хорошо ориентирован в спорных вопросах, в специальных проблемах, обсуждаемых пушкинистами, он широко владеет достижениями предшествующей пушкинианы, новейшими принципами чтения и подачи пушкинских текстов и т. д. Но вместе с тем его работа выгодно отличается на фоне традиционных специально-пушкиноведческих исследований, в которых до последнего времени царили узкий биографизм и «бескрылое» публикаторство, преобладали комментационные и текстологические этюды, а попытки широкого обобщения и изучения творческой проблематики почитались ревнителями старо-академических традиций плодом вредной игры воображения.

Новый документ, новый вариант не просто «любопытны» и «интересны» для Мейлаха. Они ему нужны. Нужны для того, чтобы прочнее, незыблемее обосновать ими ряд широких, обще-теоретических и историко-литературных выводов.

Публикуя во II главе своей работы новые архивные материалы о «Вольном Обществе любителей российской словесности», Мейлах обогащает ими свою аргументацию при установлении эстетических связей взглядов Пушкина и декабристов, а обращаясь неоднократно и, в частности, в IV главе, к текстологическому анализу рукописей лирических произведений Пушкина, он это делает не ради самоцели, не ради псевдо-научного «щегольства», а для того, чтобы на примерах из творческой лаборатории великого поэта показать всю вздорность и идеалистичность популярных в свое время утверждений о близости Пушкина к школе Жуковского и реакционных романтиков. Большая фактическая «оснащенность» книги придает ее полемическим моментам подлинную силу убедительности. Автор решительно разоблачает фальсификаторов эстетических взглядов Пушкина из лагеря идеалистического, буржуазного литературоведения и делает это, противопоставляя им значительную сумму конкретных фактов, ими сознательно игнорировавшихся и замалчивавшихся.

Книга о Пушкине и русском романтизме в ряде своих выводов и утверждений представляется самостоятельной и свежей.

Целый ряд историко-литературных проблем разрешен в ней совершенно по-новому, смело и оригинально. Мейлах подошел к Пушкину, как к крупнейшему литературному политику своего времени, как к вождю литературной революции 20-х гг. прошлого века. И именно потому, что ему удалось показать Пушкина — «тонкого литературного политика, героически совершавшего свое великое дело создания реалистической литературы, несмотря на тысячи препятствий, которые ему чинило самодержавно-крепостническое государство», Мейлах сумел по-новому осветить и литературные связи, и эстетические воззрения Пушкина, и самую проблему пушкинского романтизма.

Вопрос об отношении декабристов к Пушкину, трактовавшийся до сих пор преимущественно с точки зрения личных связей и использования деятелями тайных обществ пушкинской политической лирики, Б. Мейлах перевел в плоскость установления единства литературно-политических позиций и эстетических воззрений Пушкина и литераторов-декабристов.

Большой заслугой его работы является также подход к пушкинскому, прогрессивному, революционному романтизму не как к этапу его литературного развития, противостоящему последующему Пушкину-реалисту, а как к неот'емлемому элементу художественного метода великого народного поэта. Здесь Мейлах безусловно оригинален, ибо до сих пор еще живы ошибочные попытки традиционного противопоставления Пушкина-романтика и реалиста и рассмотрения пушкинского романтизма, как явления лишь этапного и преодоленного, вытесненного «зрелым» Пушкиным.

Следует отметить, что в книге Мейлаха имеется ряд содержательных экскурсов методологического, историко-литературного и лингвистического порядка, которые хотя и тесно связаны с основной ее — пушкинской темой, тем не менее оказываются шире ее, представляют также и самостоятельный интерес. Так, например, I глава его работы, посвященная вопросу о романтизме и основанная на изучении взглядов Маркса, Энгельса, Ленина на экономический романтизм, на романтизм, как мировоззренческую категорию, и высказываний А. М. Горького о революционной романтике, безусловно интересна для нашей литературно-критической мысли, работающей над созданием эстетики социалистического реализма. Страницы, посвященные литературной теории декабристов, Жуковскому, дискуссии о языке в первой четверти XIX века, так же отмечены самостоятельностью и новизной ряда утверждений и наблюдений.

Но было бы наивно полагать, что этой книгой уже все сказано и все разрешено в пределах взятой темы. Широкое изучение пушкинского романтизма ею с «повестки дня» пушкиноведения отнюдь не снимается, а ставится с большей настойчивостью.

К тому же целый ряд больших и существенных вопросов, связанных с романтизмом Пушкина, не вошел в поле зрения автора. А между тем изучение южных поэм и прозы Пушкина, ряда его незавершенных замыслов, к которому в своей работе еще не приступил Мейлах, имеет не меньшее значение, чем анализ пушкинской лирики и критических статей и заметок поэта, на котором он базируется.

Изучение прозы Пушкина тем сложнее, что она обычно рассматривалась, как «антиромантическая». А между тем, снятие и разоблачение в пушкинской прозе условно-романтических штампов, «снижение» ходульных героев прозы типа Загоскина — с одной стороны, или Марлинского — с другой, не должно препятствовать установлению и в прозе Пушкина черт романтизма, взятого не по-формалистски, не в его узко-«стилевом» смысле, а в его мировоззренческом и художественно-творческом содержании.

Несомненно, более глубоко и подробно, нежели это сделано Мейлахом, должна быть рассмотрена проблема народности, как основы пушкинского романтизма. Ведь пушкинское настойчивое обращение к фольклору, его стремление изучить народ через его песни, сказки и предания одновременно питало революционную романтику Пушкина — политического борца и художника-мастера. Следует помнить также, что в своем интересе к фольклору Пушкин опять-таки был «созвучен» романтикам-декабристам, изучавшим народное творчество и писавшим агитационные песни для народа (К. Рылеев, А. Бестужев, М. Бестужев).

Тема пушкинского романтизма — тема исключительно просторная и в пушкиноведении одна из первоочередных. К ней еще не раз будут обращаться наши литературоведы. И книга Мейлаха будет и для них, и для нашего читателя, полного горячего интереса к Пушкину, ценным пособием. Ибо, изучая «позиции Пушкина в основных литературно-теоретических дискуссиях эпохи, в вопросах о языке и народности, о роли поэта и функции искусства», она с большой убедительностью доказывает, что Пушкин «всем своим творчеством принадлежал к действенному, критическому, направленному против феодальной России романтизму», и правильно показывает преемственность нашей литературы по отношению к Пушкину, усматривая основу этой преемственности в гениальном пушкинском «сплаве реализма и устремленного вперед романтизма», в том, что Пушкин до конца дней своих не отходил сполна от революционно-романтических позиций и, отбрасывая влияние реакционных романтиков, шел к великолепному синтезу реализма и романтики, — синтезу, выражавшему мощный социальный оптимизм и богатейшую историческую интуицию Пушкина. В этом значение и бесспорная ценность книги Б. Мейлаха.

Об одноименной книге Б. Мейлаха. Изд. Академии наук, М.—Л. 1937 г.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ

В лаборатории Маяковского-драматурга

Первоначальные черновые рукописи «Клопа» и «Бани» и черновые варианты этих пьес, не вошедшие в окончательные тексты, позволяют проследить путь создания этих произведений Маяковского.

Работа над «Баней» была более сложной, чем работа над «Клопом». На заседании художественно-политического совета театра им. Мейерхольда, посвященном читке и обсуждению «Бани» (23 сентября 1929 г.), Маяковский говорил: «Вторую пьесу писать трудней. Мне было писать ее трудней и потому, что остается мало времени для обдумывания и всегда стоит опасность, чтобы новая пьеса не была сделана из обрывков старого, и потому, что аппетит приходит во время еды, так же как страсть к театральной работе... «Клопа» я действительно писал почти с листа. Эту вещь я переписывал пять раз». К большому труду, потраченному Маяковским на создание черновой рукописи «Бани», прибавилась большая дополнительная работа, отразившаяся в многочисленных вариантах. Читая пьесу на различных собраниях, Маяковский замечал ее пробелы, подчас на недочеты ему, по его просьбе, указывали слушатели, а в начале репетиций и актеры — участники спектакля. Маяковский всегда внимательно прислушивался к замечаниям и некоторыми из них пользовался как материалом, наталкивавшим его на мысли о тех или иных дополнениях к пьесе.

В черновую рукопись «Бани» Маяковский ввел много вставок. Некоторые из них носят существенный характер. Вот примеры, показывающие, как вставки расширяют и углубляют характеристики.

Бюрократ Победоносиков во втором действии в ответ на предложение нарисовать его портрет заявляет (вставки везде выделены):

«**Ни в каком случае!** Для подобных глупостей я, конечно, от кормила власти отрываться не могу, **но если необходимо для полноты истории и если на ходу, не прерывая работы,** — [разрешаю] [1], то пожалуйста».

В том же действии он говорит:

«В то время, когда [вся страна идет] **я веду мое учреждение к социализму...»**

Эти вставки и замены оттеняют глупую напыщенность и самовлюбленность Победоносикова.

Вставки в реплику приспособленца-журналиста Моментальникова в первом действии ярко расцвечивают его характеристику:

«Совершенно, **совершенно** верно, — сотрудник... сотрудник дореволюционной и пореволюционной прессы. **Вот только** революционная у меня **как-то** выпала. **Понимаете**, белые, Крым, подполье... Пришлось торговать в лавочке. **Не моя — отца или даже, кажется, дяди. Сам я рабочий по убеждениям.** Я когда-нибудь напишу мемуары. Но теперь, когда опять стране понадобились **интеллигентные, культурные** силы и, **разумеется, если будет хорошая должность,** мы пойдем» [2].

Слова, включенные в реплики художника Бельведонского во втором действии, усиливают черты подхалимства:

«**Какая скромность при таких заслугах!..** Как сапожок чисто блестит, **прямо хоть лизни». «Карандаш дрожит. Не передать диалектику характера при общей бытовой скромности».**

В пятом действии Двойкин отвечает Фосфорической женщине на ее недоумение по поводу быстрых успехов рабочего класса:

«**У вас, товарищ, должно, просчетец в исчислении годов вышел. Неверие в рабочего мы уже в прошлом году ликвидировали».**

Вставки другого порядка дают любопытные детали.

Вот язык зарапортовавшегося бюрократа (Победоносиков во втором действии):

«Что? Издеваться? И над своим **непосредственным ответственным** начальством и над **посредственным..., т. е. безответственным... да нет, что я говорю! Вообще** — тенью Маркса»...

Характеристика «образцового» учреждения (Иван Иванович в третьем действии):

«...Директивы выполняются, **циркуляры проводятся, рационализация налаживается,** бумаги **годами лежат в полном порядке,** для прошений и **жалоб и отношений — конвейер...»**

О том, как правка заостряла текст, свидетельствует реплика диктующего статью Победоносикова во втором действии, расшифровываемая в виде двух вариантов:

«А Эс Пушкин, знаменитый автор «Евгения Онегина» и оперы того же названия».

«**Александр Семеныч Пушкин, непревзойденный автор как оперы «Евгений Онегин», так и пьесы того же названия».**

В том же действии фразу Бельведонского «Луи Каторз, прозванный так за то, что был Людовиком четырнадцатым», Маяковский меняет на следующую:

«...Луи Каторз **четырнадцатый,** прозванный так **французами после революции 48 года за то, что шел непосредственно после тринадцатого».**

Обильные в первых четырех действиях, вставки сильно уменьшаются количественно в пятом и почти исчезают в шестом. Зато именно пятое и шестое действия были особенно значительно переделаны и дополнены в дальнейших вариантах пьесы.

В процессе работы над вариантами была проведена кардинальная переработка пятого действия, придавшая ему большую стройность. Если разделить окончательный текст этого действия на восемь кусков, то последовательность кусков по черновой рукописи будет такая: 1, 2, 7, 4, 3, 6, 5, 8.

В черновой рукописи нет почти всего начала шестого действия, в том числе и «Марша времени». Речи, произносимые Победоносиковым и Оптимистенко в шестом действии, в том виде, в каком они записаны в черновой рукописи, не удовлетворяли Маяковского. В дальнейших текстах он заменяет их другими — остроумнейшими стандартами канцелярской фразеологии. Дополняется и становится более под'емной речь Фосфорической женщины. Кроме того, появляются и иные куски текста, обогащающие пьесу: фразы режиссера о «щупальцах империализма» (третье действие), укрепляющие политическую основу пьесы — фразы Велосипедкина: «Машину мы пустим и, конечно, пойдем, если ячейка пошлет» (пятое действие) и реплика Фосфорической женщины о том, что у нас «на каждой пяди стройка» (там же), и многие другие.

Разночтения вариантов в целом менее значительны, чем разночтения черновой рукописи, — это говорит о том, что основа текста (во всяком случае первых четырех действий) была закреплена уже в первом варианте после черновой рукописи, а в дальнейшем шла уже преимущественно обработка деталей. Но все же и в вариантах есть ряд интересных разночтений. Так, в одном из текстов, напечатанных на машинке, есть такие фразы:

Бельведонский: «Уголь дрожит и крошится, вас надо каменным углем, вас надо антрацитом рисовать согласно вашему общественному положению» (второе действие).

Победоносиков: «Я за машину времени. Я только всегда говорил, что при наших ограниченных бюджетах нечего кидаться в прошлое время. Зачем рыться в моей грязи, т. е. в пыли истории? Но если путешествовать в будущее время, на лучшие места и оклады, — пожалуйста, сколько угодно» (пятое действие).

В этом же экземпляре записан такой набросок заключительной реплики Победоносикова:

«[Автор пьесы, автор машины, что время смахнет каждого, мешающего шагам коммунизма]».

«Автора! Режиссера!
Отвечайте, что вы этим хотели сказать, для чего вы этот огород городили?
[Бубните]. Орете, что время смахнет помехи шагающему коммунизму?
Агитка!
Плакат!
Не-ху-до-же-ственно!»

В тексте роли Победоносикова находим такой стишок, произносимый этим приспособленцем (пятое действие):

«С цепью старого грязного быта
Красной женщине кончить пора.
Рабство примуса будет разбито.
Ра-ра-ра-ра-ра-ра-ра-ра-ра».

*

«Баня» была злободневной пьесой. Кроме того, что в ней получили выражение проблемы, волновавшие тогда нашу общественность, по тексту ее рассыпано немало упоминаний о конкретных лицах. Так, Мезальянсова говорит о том, что Понт Кич «был у Анатоль Васильича», а в одном из вариантов эти слова заменены такими: «хотел быть у т. Бубнова», — как раз во время работы над пьесой А. С. Бубнов заменил А. В. Луначарского на посту наркома по просвещению.

Иван Иванович называет массу имен; среди них есть и имена, указывающие на определенных лиц:

«Я показываю наши достижения, как любит говорить Алексей Максимыч».

Наряду с этими дружескими упоминаниями есть и замечания совсем обратного порядка. Еще никто не обратил внимания на то обстоятельство, что в шестом действии в характеристику основного об'екта своей сатирической ярости — Победоносикова — Маяковский ввел отдельные черты врага народа Троцкого. Фраза Победоносикова «Не теряйте политику дальнего прицела» напоминает об аналогичной формуле этого предателя. А вот описание багажа Победоносикова:

«Вагонетка с перевязанными кипами бумаг, шляпными картонками, портфелями, охотничьими ружьями и шкафом-сундуком Мезальянсовой. С четырех углов вагонетки — четыре сеттера».

Сравним эту ремарку, а также следующий за ней разговор о «громадном универмаге», с такой заметкой «Правды» (от 12 февраля 1928 г. № 37).

«На станцию Фрунзе приехал Троцкий в сопровождении семьи в специальном мягком вагоне. Публика была поражена обилием багажа Троцкого (свыше 70 мест) и наличием барских удобств, с которыми ехал высланный из Москвы Троцкий. Особо обращало на себя внимание то обстоятельство, что Троцкий привез с собой охотничью собаку и большой набор охотничьих принадлежностей. «Что за барин приехал?» — спрашивали на станции».

Сходство явное. Несомненно, Маяковский воспользовался этим сообщением для описания подготовки Победоносикова к от'езду.

Злободневная для своего времени, эта замечательная пьеса живет и сегодня. Маяковский бьет по извращениям самокритики, издеваясь над «пониманием» самокритики Победоносиковым (его реплики в III действии). В образе Победоносикова бичуется чванство, отрыв от масс, зазнайство, помпадурство, шумиха, за которой нет реального дела. Угодничество, подхалимство получили яркое отражение в образах Бельведонского и Оптимистенко.

Колоссально выросла наша страна за семь лет, прошедшие со дня смерти Маяковского. Черты, которые, по словам Фосфорической женщины, открывают путь в будущее, — «радость работать, жажда жертвовать, неутомимость изобретать, выгода отдавать, гордость человечностью» — эти черты все чаще и чаще отмечают дела людей нашей страны. Но еще не ушли в прошлое пережитки капитализма в сознании, с огромной силой и убежденностью атакованные Маяковским. Многие сцены «Бани» и сейчас оказываются современными — и те, в которых он славит наш ход к коммунизму, и те, в которых он громит пережитки капитализма. Так Маяковский и теперь участвует в нашей жизни, борется вместе с нами за укрепление социализма.

[1] В квадратных скобках — слова, вычеркнутые Маяковским.

[2] Эта реплика дается по тексту черновой рукописи, не вполне совпадающему с окончательным текстом. Это же относится и к некоторым другим репликам.

М. КЛЕВЕНСКИЙ

Герцен-эмигрант в подцензурной литературе

В январе 1847 г. А. И. Герцен выехал за границу. В этом и следующем году его сочинения еще появлялись в России как отдельными книгами, («Кто виноват?», 1847 г.), так и в периодических изданиях. Но с 1849 года имя Герцена исчезло в русской печати. В первые годы его эмиграции о нем вовсе нельзя было упоминать. С 1862 года эта правительственная тактика полного умолчания изменилась: против Герцена в этом году, при сильнейшем участии Каткова, была открыта в легальной печати травля, и с этих пор о Герцене писать разрешалось, — разумеется, в соответственном духе, — но его писания оставались запрещенными.

Однако великий эмигрант разными путями, то под псевдонимами и анонимно, а изредка и под всем известным именем Искандера, все-таки проникал в русскую печать. В своей заметке мы даем краткую сводку того, что было напечатано в России из сочинений Герцена в эти годы его отлучения от родины. При этом мы хронологически останавливаемся на первых годах XX века, т. е. заканчиваем 1905 годом.

Естественно, что в русскую подцензурную печать легче могли попадать прежние сочинения Герцена, напечатанные еще до 1849 г., чем написанные уже в эмигрантскую пору. Число последних совсем ничтожно. В 1856 г. в «Петербургских ведомостях» появились две статьи Герцена с подписью «В. В.»: «Из писем путешественника во внутренности Англии» (№ 91) и «Оба лучше» (№ 206). Статьи эти были посланы Герценом Краевскому для напечатания в «Отечественных записках», но Краевский почему-то предпочел поместить их в газете.

В № 24 «Искры» за 1861 г. есть статья Герцена «Из воспоминаний об Англии», подписанная «Н. Огурчиков». В текст статьи редакция «Искры» не внесла никаких изменений, как это отмечает Герцен в одном письме.

В 1867 г. в Париже вышла книга «Paris — Guide, par les principaux écrivains et artistes de France». Во втором ее томе была помещена статья Герцена «La colonie russe», где он главным образом вспоминает Париж 1847 года. В том же году Н. Н. Страхов поместил перевод этой статьи («Русская колония») в девятом номере «Отечественных записок». Позже свою статью «Герцен в Париже», в которую включен текст перевода, он перепечатал в известной книге «Борьба с Западом в нашей литературе».

В 1868—69 гг. Герцен поместил, под псевдонимом «И. Нионский», большую статью «Скуки ради» в «Неделе» (1868, № 48; 1869, №№ 10 и 16).

Особую группу статей Герцена, увидевших свет в подцензурной печати, составляют его письма к редакторам разных газет — с протестом против какой-нибудь взведенной на него клеветы или другими подобными заявлениями. Таких писем было четыре: к редактору «Дня» («День», 1863 г., № 25), к тому же И. С. Аксакову («Москва», 1867 г., № 58; раньше напечатано в «Колоколе»), к редактору «Биржевых ведомостей» (1869 г., № 71) и «Голоса» (1869 г., № 95). Само собой, эти письма помещались с особого разрешения цензурного ведомства, считавшего почему-либо опубликование герценовских заявлений полезным для видов правительства; обычно письма Герцена печатались в сопровождении полемики против него со стороны редакции.

Переходим к тем публикациям сочинений Герцена, которые являлись перепечатками его прежних вещей. Сначала остановимся на произведениях, вышедших отдельными книгами.

В 1866 г. в Петербурге появился роман Герцена «Кто виноват?», подписанный обычным его псевдонимом «Искандер». По полученным Герценом сведениям, издание раскупалось нарасхват. Осуществил его известный ученый-естественник Владимир Онуфриевич Ковалевский, договорившийся об этом с Герценом за границей. Цензор, пропустивший книгу, получил выговор. В 1871 г. Ковалевский напечатал второе издание романа, но оно было конфисковано. В следующий раз роман был напечатан уже через 20 лет: «Кто виноват?» занимает 13-й и 14-й выпуск «Семейной библиотеки» за 1891 год.

В 1867 г. некий К. Н. Плотников выпустил в Петербурге книгу Герцена «Рассказы», куда вошло 7 произведений; вместо имени автора стояли три звездочки. Весь завод был арестован, а книга запрещена. В 1873 г. обнаружилась пропажа всех 1200 экземпляров книги, хранившихся в типографии Вульфа. Отыскать их не удалось.

Существует глухое указание, что в начале 1869 г. было уничтожено «бесцензурное издание сочинений Герцена книгопродавца Звонарева». Об этом говорится в одном «отношении» главного управления по делам печати. (См. «Сочинения» Герцена под ред. М. К. Лемке, XXI, 299). Что это было за издание, нам неизвестно.

Уже после смерти Герцена, в августе 1870 г., в Москве в издании Е. А. Троян (фактически издание финансировал харьковский издатель А. В. Скалон) благополучно прошла книга «Раздумье. Разные вариации на старые темы», без имени автора. Книга представляла сборник 11 произведений Герцена.

Большие хлопоты и переписку вызвали напечатанные в 1870 г. той же Троян без предварительной цензуры (на основании закона) «Письма об изучении природы» Герцена. Главное управление по делам печати было склонно не препятствовать распространению книги, но этому решительно воспротивился шеф жандармов Шувалов. По существовавшим положениям, книгу можно было задержать только с возбуждением против нее судебного преследования, а на соответственное решение суда трудно было надеяться. С Троян и Скалоном (затратившим деньги) велись длительные переговоры о том, чтобы они сами отказались от выпуска книги. В конце концов Шувалов добился специального «высочайшего» повеления от 8 февраля 1871 г. о неразрешении к выпуску сочинений эмигрантов и революционеров.

Точно так же была уничтожена и книга, напечатанная в 1871 г. А. С. Гиероглифовым — «О причинах упадка Франции. Из сочинений П. Ж. Прудона и А. И. Герцена».

Интерес курьеза представляет книжечка «Село и деревня. Идиллический отрывок», напечатанная в 1875 г. в казанской университетской типографии с подписью «И. Г.» (очевидно, подразумевалось «Искандер-Герцен»). Книжка вышла в количестве всего 50 экземпляров. Издатель — П. Васильев, — «для немногих любителей изящного» извлек из «Крещеной собственности» Герцена поэтические описания русской деревни и природы. («Российская библиография» 1881 г., № 12, стр. 265 и № 16, стр. 345).

Кроме отдельных изданий Герцена, надо указать еще два сборника, куда попали его вещи. Первая глава «Доктора Крупова», под заглавием «Левка», была включена в книгу, изданную в 1866 г. в Петербурге Е. Лихачевой и А. Сувориной: «Для чтения. Сборник повестей, рассказов, стихотворений и популярных статей для детей всех возрастов» («Нигилистический сборник для детского чтения», как сказано в одной рецензии). В 1867 г. «Сорока-воровка» была перепечатана в сборнике «На несколько часов», выпуск II.

Очень немногое остается добавить о произведениях Герцена, появившихся в периодических изданиях. Неожиданно для Герцена, в 1862 г. одна его старая вещь оказалась перепечатанной в ряде изданий. Это была речь, сказанная Герценом при открытии публичной библиотеки в Вятке еще в декабре 1837 г. и изданная тогда же в Вятке отдельной брошюрой. Правительство, начиная печатную кампанию против Герцена, решило, чтобы скомпрометировать своего врага, воспользоваться этой старой речью, заключавшей в себе похвалы самодержавным царям за их цивилизаторскую миссию. Речь была воспроизведена (конечно, с ведома или по распоряжению министра народного просвещения Головнина) в «Вятских губернских ведомостях» 1862 г. № 16. Оттуда ее перепечатали некоторые реакционные газеты: «Северная пчела» (№ 124), «Сын отечества» (№ 112), «Московские ведомости» (№ 102).

В 1871 г., уже по смерти Герцена, в одиннадцатой книге «Русской старины» М. И. Семевский напечатал его очерк «Ум хорошо, а два лучше», впервые опубликованный еще в лондонском издании «Былое и думы». В том же журнале за 1877 г. (№ 2) М. П. Пасек напечатала шуточную вещь Герцена «Истинная и последняя эманципация рода человеческого от злейших его врагов» с некоторыми отличиями от журнального текста в «Отечественных записках» 1844 г. Наконец, в «Вестнике всемирной истории» 1901 г., IX, перепечатана остроумная пародия Герцена 1863 г. «Старица Ведрина крепкое до пельских братий слово».

С конца 70-х годов в разных изданиях появляются впервые тексты некоторых произведений Герцена ранней поры, остававшихся ненапечатанными. Несколько таких юношеских писаний Герцена («Последний праздник дружбы», «Лициний» и др.) находятся в известных записках Пассек (отдельное издание вышло в 1878—79 гг.). Довольно много таких текстов дал журнал «Русская мысль»: «Легенда» (1881 г., XII), «Германский путешественник» (1882 г., I), «Встреча» (1882 г., XII), «Отдельные мысли» (1889 г., I). В «Северном вестнике» помещены: «Из дневника» (1894 г., XI) и «Это было 29-го октября 1817» (1895 г., IX). В это же время появилось немало писем Герцена.

Царское правительство в 50-х и 60-х годах не могло сколько-нибудь успешно бороться с наплывом в Россию продукции Вольной русской типографии: «Колокол» и другие герценовские издания мощным потоком прорывали из-за границы и широко распространялись. Но в подцензурной русской печати дело обстояло иначе: здесь была полная возможность не дать сочинениям Герцена никакого распространения. То, что было напечатано из сочинений Герцена за 50 лет со времени начала его эмиграции, — это в полном смысле слова жалкие кусочки, случайные обрывки. Попытки выпустить в свет более серьезные вещи Герцена в громадном большинстве случаев оканчивались варварским уничтожением напечатанных книг. И только в 1900 г. душеприказчикам Ф. Ф. Павленкова удалось получить соответственное разрешение на издание сочинений Герцена, и то, конечно, с громадными из'ятиями. Полные издания Герцена стали возможны только после Октябрьской революции.

А. И. Герцен. Рисунок худ. Рейхельн. 1842 г.

ВОПРЕКИ III ОТДЕЛЕНИЮ

В 1853 году Герцен основал в Лондоне «Вольную русскую типографию» для «печатания всего писаного в духе свободы», как сообщал он в выпущенном в феврале 1853 г. литографированном листке «Вольное русское книгопечатание в Лондоне».

«III отделение его императорского величества канцелярии», следившее за революционной деятельностью Герцена с первых его шагов, всполошилось.

Сочинения Герцена и издававшаяся им газета «Колокол» различными путями проникали в императорскую николаевскую Россию, вызывая смятение царственного жандарма и его приспешников.

«III отделение и литературная деятельность Герцена» — такова тема новой публикации, материалы которой будут напечатаны во второй книжке журнала «Красный архив». Публикация подготовлена к печати сотрудником Архива революции т. А. А. Кобяко.

А. И. Герцен использовал различные пути для распространения своих изданий. В Россию они проникали не только нелегальным путем, но также легально, через почту. 16 июля 1853 г. почтовый департамент сообщает шефу жандармов, что им было обнаружено письмо на имя предводителя московского дворянства, в котором оказалась брошюра Герцена «Юрьев день». Об этом немедленно доложили царю Николаю. Николай отдал распоряжение тщательно следить за всей почтой, поступающей из-за границы, и перлюстрировать ее. На отношении он наложил резолюцию: «На почте велено очень смотреть».

30 декабря 1855 г. шеф жандармов граф Орлов обращается к начальникам всех восьми округов корпуса жандармов с отношением, в котором сообщает о массовом распространении брошюры Герцена «Емельян Пугачев», «по крайне преступному содержанию сей брошюры, тем более опасной, что способ изложения оной доступен понятиям простого народа».

3 января 1857 г. шеф жандармов генерал ад'ютант князь Долгоруков сообщает начальнику одного из округов корпуса жандармов:

«Несмотря на все меры, принятые правительством к воспрепятствованию ввоза в наши пределы возмутительных воззваний, печатаемых за границей на русском языке изгнанником Герценом, злоумышленники успели, кажется, распространить в России эти воззвания».

Революционные издания Герцена, несмотря на все ухищрения жандармов, находят распространение в самых отдаленных углах российской империи.

Горбатовский земский исправник сообщает офицеру корпуса жандармов по Нижегородской губернии «о распространении между крестьянами села Богородского газеты «Колокол». По сему поводу было произведено тщательное расследование, в результате которого выяснился тот сложный, извилистый путь, каким попали экземпляры газеты «Колокол» из Лондона в село Богородское. Оказалось, что эти газеты привез с собой из-за границы гвардии поручик В. П. Шереметьев, у которого они были похищены и затем оказались в деревне.

Третье отделение не только ожесточенно боролось с распространением революционных сочинений и изданий Герцена в пределах российской империи. Оно принимало также все меры к тому, чтобы запретить распространение этих изданий за границей. В октябре 1853 года министерство иностранных дел сообщает в III отделение, что вследствие представлений, сделанных царским правительством, «английское правительство приняло некоторые меры для прекращения, по крайней мере, публичной раздачи сих возмутительных воззваний». Царское правительство добилось запрещения распространения в Саксонии «Колокола» и «Полярной звезды». В Пруссии было также запрещено распространение «Колокола».

Попытки издать сочинения Герцена в царской России нелегальным путем (даже без указания его фамилии) кончались неудачей. Царская цензура задержала выпуск в свет книги Герцена «Письма об изучении природы», хотя сама цензура не усмотрела в книге ничего предосудительного. Цензурный комитет мотивировал свое запрещение следующим образом: «Комитет, имея в виду, что означенное сочинение принадлежит государственному преступнику Герцену, задержал 24 октября 1870 года выпуск в свет этой книги».

Однако, ничто не помогало.

Все усилия и ухищрения III отделения не могли остановить широкого распространения революционных сочинений великого русского писателя, пламенного публициста и борца с самодержавием.

Л. ЗОРОВ

А. ЭРЛИХ

ЛОСКУТЫ

Широко известен разговор некоего редактора с сотрудником:

— Итак, тема понятна?

— Вполне. Мне еще только выяснить бы, в каком разрезе писать?

— Какой же разрез? Сами знаете. Строк триста.

«Разрез», форма, жанр очень часто определяются у нас на глаз и на вес. Еще чаще не придается вовсе никакого значения этой, будто бы только формальной, стороне дела.

Роман — большое, многолистное произведение, иногда занимающее несколько томов. Повесть — скромная работенка, тощая книжка. Рассказ — совсем маленькое, почти незаметное литературное явление, в несколько страниц и, во всяком случае, не свыше одного печатного листа. Такова неписаная «теория словесности», имеющая хождение даже в профессиональной среде.

К сожалению, у нас легко пугаются невежественных окриков, и циничное определение жанра в «разрезе» строк или листов становится все более распространенным явлением в ущерб и литературе и читателю.

Писатель часто работает, не заботясь о цельности своего воздействия на читателя. В результате книги нередко отмечены пестротой, разбросанностью, отсутствием единой темы, случайностью. Новая книга Льва Кассиля как будто нарочно выпущена для наглядной демонстрации этого. Книга называется «Щепотка луны». Здесь шесть разделов. Здесь читатель найдет и отличные маленькие рассказы, и остро написанные фельетоны, и яркие очерки, и беглые записи, перенесенные в книгу прямо из памятного блокнота, и просто корреспонденцию с парохода, терпящего бедствие во время шторма на Черном море. Естественно, что так составленная книга лишена единой темы, какой-либо точной авторской устремленности.

«Щепотка луны» — механически подведенный итог литературной деятельности автора за определенный период времени.

Между тем, почти каждое, в отдельности взятое, произведение Льва Кассиля отмечено талантом, острой наблюдательностью и, часто, ясной и звучной темой.

«Кража зрения», например, превосходный рассказ о неграмотной старухе, долгие годы пребывавшей во власти шантажиста, но обучившейся грамоте и вскоре узнавшей истинное содержание письма, которым так долго терзал ее бывший трактирщик. Автор находит простые и убедительные слова для изображения старухи, впервые проникающей в звучный мир букв. Рассыпанные по полу детские кубики приобрели отчетливый голос. Они шептали, они кричали ей в ухо. «У! — кричал один кубик — Ш! — шипел другой».

Старуха старательно посещала курсы ликбеза, организованные активистом жакта. И «глухой, слепой мир вдруг стал для нее общительным. Он показался ей болтливым... С нею разговаривали теперь на улице стены, афиши, тумбы, плакаты... Город был туго набит большими буквами... Азбука раз'езжала по городу на трамваях. А! — кричали трамваи в одном углу; Б! — орали они на следующем перекрестке; В!..».

С той же яркостью автор вводит читателя во внутренний мир другого своего персонажа, Рудольфа Ивановича Нейвирта, критически настроенного старичка-колхозника из очерка «В тесных сапогах по просторному миру, или худ, так худ». Читатель проникается любовью и к капитану Галанину из рассказа «Трансбалт», совершающему ради больной дочери «далекое морское путешествие», оставаясь на земле, в морском музее. Равным образом читатель будет взволнован портретом Циолковского, данным в очерке «Звездоплаватель и земляки». Он посмеется анекдоту «Ку-ка-реку!» о станционном петухе, он позабавится наброском «Сорок два визита в поисках обыкновенного», этими беглыми наблюдениями автора, заглядывающего в чужие квартиры, он возненавидит вместе с автором паразитирующие существа, подобные «очаровательной» и безнадежной Жозе из фельетона «Румба».

Правда, есть в сборнике два-три рассказа, относительно которых могут возникнуть у читателя и возражения, и чувства недоумения, протеста, а может быть, даже и раздражения. Лев Кассиль предпочитает иронический тон «во всех случаях жизни», вне зависимости от тем и ситуаций. Трудно поверить, чтобы человек, как бы жизнерадостен и весел он ни был, в трагическую минуту находил бы в себе только смешливые слова. Особенно отчетливо расходятся намерения автора с результатом его письма в рассказе «Именем доктора Галли Матье». Здесь и персонажи, и сам автор слишком резвятся, не замечая крикливого противоречия своих действий и слов с сюжетным движением. Чувство меры изменяет в этом рассказе всем в одинаковой мере.

К доктору прилетел из-за Волги взволнованный человек «в кожанке и шлеме с очками». У летчика умирает жена. Необходима срочная помощь. Талантливый автор хорошо рисует человека, спустившегося прямо «с неба»: «Кусочки голубого неба сохранил он на уголках своего форменного кожаного воротника».

Летчик умоляет доктора отправиться немедленно вместе с ним в воздух, на ту сторону реки, охваченной осенним ледоходом.

И вдруг, в эту беспокойную, смутную минуту автор, доктор и летчик — все вместе — заговорили языком клоунов в цирке, единственно озабоченных шуткой и нарочитой резвостью.

Лететь? «Доктору стало немножко не по себе. Прямо говоря, страшновато стало доктору».

Читатель неприятно удивлен, но еще вправе рассчитывать, что это нечаянный срыв. Увы, вслед за автором таким же тоном заговорил и сам доктор:

«— Так вот где таилась погибель моя, — сказал он шутливо. — Эх, ма!.. Вы как, не грохнете меня часом?..».

И хоть диалог этот записан буквально несколькими строчками ниже тревожных сообщений о смертельной опасности, угрожающей роженице, о необходимости срочной помощи, летчик «повеселел» и сказал, успокаивая доктора:

«— Будьте покойнички!».

Читатель уже раздражен, возмущен, а дальше следуют еще и еще фальшивые, бестактные реплики, — о машине, о жене, о том, что летчик, конечно, жалеет свою жену, но и «на машину нельзя плевать», что машина «в копеечку обходится», и что летчик «своему занятию сочувствует...».

К счастью, подобного рода расхождения очень редки, и автор обычно выбирает сюжеты, органически ему свойственные. Повторяем, в большинстве рассказов, очерков и фельетонов сборника Лев Кассиль обнаруживает умелое владение самой важной для писателя тайной — тайной верного проникновения во внутренний мир своих героев.

И тем досаднее, что он не позаботился о цельности общения с читателем. Механически построив книгу, заполнив ее без разбора всеми видами своей литературной практики, он ослабил, раздробил, разменял и рассеял собственные свои силы. Книга отомстила за себя. Пестрота тем, жанров, форм дали в итоге книгу лоскутную, бьющую рассеянным огнем в разных направлениях и не поражающую ни единой мишени с должной точностью и силой.

Такова расплата за легкомысленное пренебрежение к единой форме, к органичности и цельности книги.

Н. РУБИНШТЕЙН

Герцен и революция 1848 года

1848 год — историческая дата в биографии Герцена «писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции» (Ленин).

В первые дни 1847 года, провожаемый кучкой друзей, Герцен навсегда оставил пределы России. Он рвался из России, потому что Россия была николаевской тюрьмой, где все живое было задавлено жандармским режимом Бенкендорфов и Дуббельтов, «всеобщим раболепием и правительственной неспособностью», где все сильное и независимое было обречено на смерть, где в синодик жертв русского самодержавия за короткий срок были вписаны лучшие имена—имена декабристов, Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Кольцова, Белинского, Полежаева и несчетные имена других, безвестных жертв царизма. Он рвался в Европу, потому что там шла открытая борьба, потому что он рвался к революции.

С чем шел он в Европу? Как мыслил он революцию?

Герцен принадлежал к тому поколению, которое разбудил гром пушек на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., революционная мысль которого воспиталась на уроках и образцах великой буржуазной революции 1789 г., которое затем на ранних произведениях Тьерри и Гизо получило первые уроки теории классовой борьбы, которое от Гегеля взяло уроки диалектики, этой «алгебры революции», от Фейербаха — уроки материализма, а от Сен-Симона, Фурье и их единомышленников — первую мысль о социализме. В пройденной школе еще отсутствовал последний класс — класс научного социализма, основные положения которого уже формулируются в эти годы Марксом и Энгельсом.

Но могла ли перешагнуть этот предел революционная мысль в царской России 40-х годов? Революционностью утопического социализма кончил в 40-х годах Белинский в своих замечательных письмах к Боткину. С нее начинал в конце 40-х годов молодой Чернышевский, восторженно приветствуя в записях своего дневника мелкобуржуазных «героев» 1848 года — Ледрю-Роллена, Луи Блана, которым он даст заслуженную отрицательную оценку десять лет спустя.

Герцен шел в ногу со своим временем, не позади, а впереди лучшей части русской интеллигенции. Годы ссылки и непосредственного соприкосновения с народной жизнью помогли революционному самоочищению от многих иллюзий либерализма. Помог и Белинский. Сперва произошел разрыв со славянофилами; затем разрыв с либералами-западниками. Но продолжить это самоочищение можно было лишь на Западе, воочию убедившись в банкротстве прошлого и став лицом к лицу с поднимающимся рабочим революционным движением. Эту внутреннюю чистку принес Париж.

«Имя Парижа тесно соединено со всеми лучшими упованиями современного человека, я в него в'ехал с трепетом сердца, как некогда в'езжал в Рим. И что же я нашел...». Ответ на это, исчерпывающий и полный, Герцен дал уже через несколько месяцев. «Смерть в литературе, смерть в театре, смерть в политике, смерть на трибуне, ходячий мертвец Гизо, с одной стороны, и детский лепет седой оппозиции, с другой»... За этим, однако, проступал уже иной новый мир, еще неизвестный: «Там, где-то внизу, вдали раздавались иногда сильные стенания, казалось, они выходили из могучей и здоровой груди»... К этой теме он возвращается повторно. «Другого рода протестации порядку вещей слышались иногда как будто из-под земли... Какой-то тяжелый стон раздавался по временам, не в камере, не в «National», не в «Réforme», а в мастерской, у изголовья умирающих от нужды, а иногда в ассизах (судебных заседаниях. — Н. Р.); «Gazette des Tribunaux» записывала его, не понимая, что делает».

Можно только удивляться, как быстро Герцен разглядел истинное положение вещей, как быстро отказался от былой веры и произвел переоценку ценностей. Пусть отставала теория, — помогло глубокое чутье революционера.

Он увидел, что буржуазия «гораздо больше боится народа, нежели власти». «Революционерам первой революции» был подведен итог.

«Борьба... очевидна, неминуема, характер ее можно предвидеть. Голодный человек свиреп, но и мещанин, защищающий собственность, свиреп. Надежда у буржуазии одна — невежество масс. Надежда большая, но ненависть и зависть, месть и долгое страдание образуют быстрее, нежели думают. Может, массы долго не поймут, чем помочь своей беде, но они поймут, чем вырвать из рук несправедливые права... Знало ли дворянство близость своих судеб, когда Сийес спрашивал: «Что такое среднее состояние?» А разве мы не слышим со всех сторон вопрос: «Что такое работник?»... и угрюмый ответ: «Ничего?» Ведь и он может некогда поверить, как поверила буржуазия, что она — «все». Дворянство имело, по крайней мере, 4 августа, буржуазия не будет его иметь... Буржуазия не поступится ни одной из своих монополий и привилегий. У нее одна религия — собственность со всеми ее римско-феодальными последствиями. Тут фанатизм и корысть вместе, тут ограниченность и эгоизм, тут алчность и семейная любовь вместе».

«Письмо из Франции» от 15 сентября 1847 г. было отходной по буржуазии и буржуазной революции; оно указывало впереди другую, грядущую революцию: «социальной» называл ее Герцен; он еще не умел назвать ее пролетарской.

Герцен отвернулся от Парижа и уехал в Италию. Здесь застало его известие о февральской революции. Его натура борца не выдержала, и он ринулся в бой. Ведь он «не посторонним пришел в Европу». Он ждал революции, и весть о ней еще раз подняла старые иллюзии, «огромность события заслонила лица». Но и в эти дни воскресших иллюзий все то же чутье революционера определило его место на баррикадах революции. Он знал цену людям, ставшим у власти, имена которых были провозглашены «не на месте битвы, а в побитой камере», которым нужна была «благоразумная республика... на золотушных ножках Ламартиновской елейности, обернутых бюллетенями Ледрю-Роллена», которую охотно прикрыли своим авторитетом также Луи Блан и Альбер. Ему с ними было не по пути.

Среди деятелей февральской революции один Бланки, ненавистный крупным и мелким буржуа Франции, был для него «революционером нашего века». Ему «виделась не Ламартиновская республика, а республика Бланки», «революционная диктатура».

15 мая он пошел с народной демонстрацией, организованной Барбесом, в то же время глубоко осудив последнего за отказ от вооруженного восстания, за то, что он остановился на полпути. «15 мая сняло с моих глаз повязку, даже места сомнению не осталось, — революция побеждена, вслед за нею будет побеждена и республика», писал он 10 июня. Но когда 23 июня пролетариат Парижа вышел на улицу, Герцен снова был с ним.

В июне руками Кавеньяка была расстреляна революция. Итог был подведен окончательно. Он дан Герценом в письме от 1 июня 1849 г. Итоги подтвердили прогноз и закрепили первый вывод.

Для Герцена 1848 год был, по словам Ленина, «крахом буржуазных иллюзий в социализме». Здесь была положена окончательная грань между буржуазной и социалистической революциями. Время политических революций прошло, настало время революций «социальных», — возвращается он к своему выводу, сделанному в 1847 г.

«В XVIII столетии достаточно было быть республиканцем, чтобы быть революционером; теперь можно очень легко быть республиканцем и отчаянным консерватором. Социалисту в наше время нельзя не быть революционером». Буржуазная революция, революция «политическая по шаблону 1789 г.» подлежала сдаче в архив». С ней вместе сдавались в архив и лжегерои буржуазного либерализма.

«Время либеральной партии и политических республиканцев прошло, — пишет он дальше, — им нечего сказать, им нечего делать, их республика оттого и не стоит, что не может стоять, она обойдена, народу до нее нет дела».

Это было разочарованием не в революции, а только в обанкротившихся политиканах революции; они «все-таки ближе к Гизо, нежели к нам». «...С июньских дней народ расстается с революционерами именно потому, что остается верен революции».

И снова заключительным аккордом звучит пророческий прогноз грядущей пролетарской революции.

«Но революция не остановилась. Вместо неосторожных попыток и заговоров работник думает крепкую думу. С тех пор, как грубая рука полиции заперла клубы и электоральные собрания, трибуна работников перенеслась в деревни... В груди крестьянина собирается тяжелая буря. Он ничего не знает ни о тексте конституции, ни о разделении власти, но он мрачно посматривает на богатого собственника, на нотариуса, на ростовщика; но он видит, что сколько ни работай, барыш идет в другие руки, — и слушает работника. Когда он его дослушает и хорошенько поймет, с своей упорной твердостью хлебопашца, с своей основательной прочностью во всяком деле, тогда он сочтет свои силы, а потом сметет с лица земли старое общественное устройство. И это будет настоящая революция народных масс. Всего вероятнее, что действительная борьба богатого меньшинства и бедного большинства будет иметь характер резко коммунистический».

Надо сопоставить эти высказывания Герцена с современными им записями дневника Чернышевского, с одной стороны, с высказываниями Маркса, с другой, чтобы оценить их силу и глубину.

Почему же все-таки Герцен не стал под знамя коммунизма, поднятое Марксом и Энгельсом; откуда его последующие «отступления от демократизма к либерализму»? Это была «не вина Герцена, а беда его» (Ленин), его глубокая личная драма. Она была «порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела» (Ленин).

Идейно он оставался верен своим выводам. «Я идейно сочувствую одному горькому плачу пролетария и отчаянному мужеству его друзей». Он звал к ломке старого, он звал вперед, к иному будущему. «Не останься на старом берегу... — писал он сыну. — Религия грядущего общественного пересоздания — одна религия, которую я завещаю тебе». «Я не верю в прежние революционные пути и стараюсь понять шаг людской в былом и настоящем для того, чтобы знать, как итти с ним в ногу», повторял он незадолго до смерти, в 1869 г. Но это будущее оставалось для него «неизвестным».

Теория без практики мертва, а в своей практической деятельности он реальной опорной точки для нее не нашел. В своей практической деятельности он обратился к России, борьбе за освобождение русского народа посвятил он свои силы: «Он боролся за победу народа над царизмом» (Ленин). Но он знал Россию 40-х годов, и нужно было время, чтобы издалека, из эмиграции увидеть рост новой революционной силы в России. Выводы, добытые дорогой ценой, приложить сюда было трудно.

На Западе пролетарское движение начало крепнуть, росли силы европейского пролетариата, но живой, действенной связи с его борьбой у Герцена не было. Обращенный к России он остался в стороне от этого пролетарского движения. А вокруг него сгруппировались остатки прошлого, обломки революции 1848 года.

Было ли это изменой новым убеждениям, возвратом былых иллюзий? Нет! Не идейные, а личные связи держали его в этом кругу. Он чувствовал себя живым среди мертвых, и в этом была величайшая трагедия его эмигрантской жизни. Жестоким приговором звучит эпиграф к главе об эмиграции: «сидехом и плакахом на берегах вавилонских...».

В среде этих остатков 48 года (речь идет о Луи Блане и Барбесе) он «чувствовал то, что должен ощущать сын, возвращаясь после долгой разлуки в родительский дом... он чувствует близость гроба...». Что общего между ним и ими? Они «принадлежат истории другого десятилетия, которая окончена до последнего листа, до переплета!» Какая жестокая ирония в его словах о «лавочке Феликса Пиа», об исторических анекдотах Луи Блана, о героях мещанства — Струве и Гейнцене и о многих других. Нет, это не идейная близость, а лишь невольная дань былым личным связям. Но эти связи поневоле в свою очередь давили на него, окружение нередко заслоняло от него действительную жизнь, истинный ход революционной борьбы. Не отсюда ли отчасти и самые отступления и колебания, решительно и заслуженно осужденные Марксом.

Так или иначе историческая судьба привела Герцена в ряды «Молодой Европы». Но «Молодая Европа» не была однородной. И из отдельных ее организаций симпатии Герцена принадлежали только трем: Италии, Польше, Венгрии. Несколько имен выделены им из среды эмиграции: Маццини и Гарибальди, Ворцель, Кошут. Случайность ли это?

«Вопрос о правах наций есть не изолированный и самодовлеющий вопрос, а часть общего вопроса о пролетарской революции... Маркс в 40-х годах прошлого века стоял за национальное движение поляков и венгров... Почему? Потому что... поляки и венгры являлись «революционными народами», боровшимися против абсолютизма» (Сталин). Таким образом и здесь революционное чутье подсказало Герцену верный путь. Он поднимал голос за национально-освободительную борьбу поляков против царизма, за борьбу венгров против Габсбургов, за освобождение Италии.

«При всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх» (Ленин). Это уроки 1848 года брали в нем верх среди всех колебаний. Следуя по начертанному им пути, Герцен под конец жизни «обратил свои взоры не к либерализму, а к Интернационалу, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс» (Ленин). Это было в 1869 г. Через два года Париж увидел Коммуну, началась новая эпоха борьбы за пролетарскую революцию.

Герцен не дожил до ее начала.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

10—14 апреля 1744 года. Умер А. Кантемир

11 апреля 1744 г. умер Антиох Кантемир — первый русский сатирик и крупный поэт XVIII века. Яркие обличительные сатиры Кантемира: «На хулящих учение», «На человеческие злонравия», «На зависть и гордость дворян» и др. не могли быть напечатаны при его жизни и расходились в рукописных списках.

Впервые сатиры Кантемира были изданы только в 1762 году, т. е. через 30 лет после того, как были написаны. Тем не менее они не потеряли своего обличительного значения ни в те годы, ни в более позднюю эпоху. Николай I признал, например, издание Кантемира нежелательным. В 1851 г. Смирдин обратился в цензурное ведомство за разрешением на издание Кантемира. Цензура усмотрела в сатирах Кантемира совершенно недопустимые места. В представленной Николаю докладной записке было указано, что в сатирах имеются: «шутки и остроты над такими предметами, в применении к которым шутка или острота делается более или менее непозволительною и даже кощунством». К числу таких шуток цензура отнесла, с одной стороны, «сарказмы на духовенство, монашество и высший иерархический сан», а с другой — «выражения, употребление которых в обществе и литературе нашего времени принимается за нарушение приличия». Николай I исчерпал вопрос, наложив следующую резолюцию: «По моему мнению, сочинения Кантемира ни в каком отношении нет пользы перепечатывать, пусть себе пылятся и гниют в задних шкафах библиотек, где занимают лишнее место».

После смерти Николая Смирдин в 1857 году снова поднимает вопрос о переиздании Кантемира. Но Александр II не оказался податливее. «Не согласен» — написал он на докладе Главного управления цензуры.

1898 год. Первые книги М. Горького

12 апреля 1898 года вышли из печати первые два тома «Очерков и рассказов» Горького. Это было первое отдельное издание произведений Горького, ранее печатавшегося только в периодической печати.

Несмотря на то, что Горький в то время был уже известным писателем, издание его книг встретило большие затруднения. Горький жил тогда в Нижнем, болел, должен был обязательно поехать на юг лечиться и, за отсутствием средств, все время откладывал поездку. Тогда В. А. Поссе предложил ему издать книгу рассказов и взял на себя переговоры с издателями.

К удивлению Поссе переговоры эти были долгое время безуспешными. Под разными предлогами он всюду получал отказы. Некоторые ответы были даже курьезны. Так, издательница О. Попова, после долгих колебаний, сообщила, что «ее фирме неудобно издавать провинциальные фельетоны. «Все, к кому я обращался, — рассказывает Поссе, — посмеивались над увлечением Горьким... прочили провал». Все эти издатели даже не предполагали, что книги Горького ждет редкий успех и что не пройдет и двух лет, как все они будут всячески добиваться права на издание любой книжки Горького.

В конце концов Поссе нашел издателей. Это были С. П. Дороватовский и А. П. Чарушников. Видя, что официальные издательства не рискуют печатать Горького, они решили издать его книги на свой страх и риск. Коммерческие интересы при этом роли не играли.

Оба тома были сданы в набор одновременно. Вторую корректуру вел сам Горький. В большинстве газет и журналов были помещены положительные отзывы. К следующему году Горький не только подготовил третий том рассказов, но должен был переиздать и первые два тома.

1903 год. Литературный дебют Блока

В первой половине апреля (в конце марта по ст. стилю) 1903 г. вышел № 3 журнала «Новый путь» с опубликованными впервые стихами А. Блока. Редактором журнала был П. П. Перцов, фактически же руководил журналом Мережковский. В своих воспоминаниях Перцов рассказывает, что первые стихи Блока Мережковский решительно забраковал. Вскоре после этого и сам Блок появился в редакции. «Блок держался как «начинающий», — он был застенчив перед Мережковским, иногда огорчался его небрежностью». Только через полгода Блоку дали в мартовской книжке журнала 12 страниц, где и были напечатаны 10 его стихотворений, под общим заголовком: «Из посвящений».

Сам Блок, в своей автобиографии рассказывает о более ранней попытке печататься в журнале «Мир божий». Осенью 1900 года он принес редактору журнала В. П. Острогорскому свои стихи. «Я с волнением,— рассказывает он, — дал ему два маленьких стихотворения, внушенные Сирином, Алконостом и Гамаюном В. Васнецова. Пробежав стихи, он сказал: «Как вам не стыдно, молодой человек, заниматься этим, когда в университете бог знает что творится». После такого приема Блок только через два года решился возобновить попытки печататься.

«Странная забывчивость»

В «Литературной газете» от 30 марта была помещена заметка «Странная забывчивость», в которой отмечалось, что Наркомпрос своевременно не предпринял никаких мер по проведению герценовского юбилея в учебных заведениях и по ознакомлению учащихся нашей страны с жизнью и творчеством великого писателя.

В связи с этой заметкой мы получили из Наркомпроса копию телеграммы заместителя наркома просвещения т. В. Волина от 4 апреля, в которой всем органам народного просвещения предлагается провести доклады о Герцене в средних школах, в педагогических училищах, в институтах и университетах, а также доклады о Герцене для преподавателей литературы.

Новое издание «Калевалы»

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). К двадцатилетию Великой Пролетарской революции Карельский научно-исследовательский институт готовит новое издание «Калевалы» на русском языке.

Старый перевод «Калевалы» был сделан Бельским не с финского подлинника, а с немецкого перевода. В нем много неточностей и искажений. По подсчетам института, для нового издания «Калевалы» будет вновь переведено 10—12 тысяч стихов.

Работу института консультирует народный поэт Карелии т. Ялмари Виртанен.

С. Герасимов. «Кавказ». (Выставка акварельной живописи в Москве)

Групповое безделье

Группком Гослитиздата — крупнейшая профорганизация советских писателей Москвы. Он об'единяет 280 человек. Из них 110 человек не состоят членами или кандидатами в члены союза советских писателей. Кто эти люди, знает ли их как следует группком?

Секретарь группкома т. Зырянов заявил нам, что после проведенного недавно переучета членов профсоюза, в результате которого было откреплено около 50 человек, в группкоме остались только те писатели, которые крепко связаны работой с Гослитиздатом, и что их-то он знает, как свои пять пальцев. Однако при первом же знакомстве со списком членов группкома мы выяснили, что в нем числится немало людей, связь которых с Гослитиздатом группкому не совсем ясна.

Этих товарищей должны об'единять профсоюзные организации по месту их производственной работы, но никак не писательская профорганизация, где необходимым правилом приема является деловая творческая связь с тем или иным издательством.

Группком, за небольшим исключением, не знает, над чем работают писатели, критики и переводчики — члены профсоюзной организации Гослитиздата. Правда, в этом году группкомом было организовано четыре отчетных вечера писателей и проведено несколько опросных бесед с членами группкома.

Но какую политико-просветительную работу ведет группком с писателями, как он вовлекает их в свою работу?

Месяцев восемь назад группком созвал общее собрание, на котором дружески поговорили люди: сообщили о том, что они пишут, и разошлись. Больше группком своих членов не тревожил. Не собирал их даже тогда, когда вся страна обсуждала великую сталинскую Конституцию.

Заместитель председателя группкома писатель т. Ляшко жалуется на то, что он, мол, поднимал в «Литературной газете» вопрос о социалистическом соревновании писателей, но что это дело заглохло. Позволительно спросить у т. Ляшко: а что он сделал сам, как руководитель профессиональной организации, для того, чтобы на практике работы писателей Гослитиздата доказать всю целесообразность этого предложения? Подумал ли группком организовать социалистическое соревнование писателей, об'единенных в группкоме Гослитиздата? А между тем такое соревнование оживило бы работу группкома и способствовало бы повышению качества выпускаемой литературы.

Кружковая работа в группкоме не в почете. В организованном недавно единственном кружке политучебы занятия систематически срываются по той причине, что из записавшихся 20 человек на кружок приходят только 5—7 человек, и те нерегулярно.

Группком писателей собирал членские взносы, выдавал ссуды, устраивал литературные вечера, говорил о перестройке профработы.

А вот важнейшие политические документы — доклад т. Жданова на пленуме ЦК ВКП(б) от 26 февраля 1937 г. и решения ЦК ВКП(б) по его докладу от 27 февраля 1937 г. обсудить еще не удосужились. Все ждут указаний парткома, а партком (секретарь т. Безруких) не торопится с этим вопросом.

Нетерпимо отношение ЦК союза к работе группкомов.

Выделенный для работы с писателями от ЦК инструктор т. Бондаренко вот уже четвертый месяц как ушла на учебу. Другим работником ЦК союза ее не заменил. Создалось положение, при котором группкомы предоставлены сами себе, никто их не контролирует, не направляет.

Даже на состоявшемся недавно III пленуме ЦК союза вопрос о работе с писателями в повестку дня не был включен. В своем решении пленум вспомнил, правда, о работе с писателями и записал: «Признавая недостаточное развитие профработы с писателями, пленум предлагает усилить внимание к этому участку работы. Созвать общее собрание писателей — членов группкомов для обсуждения решений III пленума ЦК союза и для разработки конкретных мероприятий по усилению профработы с писателями».

Не бюрократическая ли это отписка ЦК союза от работы с писателями?

Никаких собраний писателей созвано не было, никаких мероприятий по усилению профработы с писателями не разработано. ЦК союза в свою очередь не сделал попытки проверить, как выполняется на местах решение его пленума.

★

Примерно так же ведется работа и в группкоме «Советский писатель». Секретарь ГК т. Тарпан заявил нам:

— Работаем мы слабо. А что нужно сделать для того, чтобы по-настоящему было, — кто его знает. Не определилась еще работа профсоюза с писателями. Много неясного. Нами никто по-настоящему не интересуется, мы чувствуем себя как-то на отшибе: все говорим о перестройке, а дело не двигается.

Кто в этом виновен? И сам группком, и ЦК союза.

★

Профсоюзная организация писателей в нынешнем положении абсолютно не отвечает требованиям, пред'являемым к ней, как к об'единению большого отряда советской интеллигенции.

А. ГОБЕР

Извещение

10 апреля в 7 час. вечера в помещении ДСП состоится общемосковское собрание жен писателей, посвященное решениям пленума ЦК ВКП(б).

Об'единение жен писателей просит тт. писателей принять участие в обсуждении и критике работы об'единения за истекший период.

НЕДОПУСТИМОЕ РАВНОДУШИЕ

Из писем в редакцию

Редакция «Литературной газеты» ежедневно получает десятки писем от литкружковцев и начинающих авторов. В этих письмах товарищи заявляют, что литературная молодежь предоставлена сама себе.

Много горьких упреков направляет она по адресу союза советских писателей.

Член литкружка Орехово-Зуевского района т. Богатырев в своем письме в редакцию «О диких литературных кружках» делает очень характерную приписку «прошу это письмо прочитать и никуда не отправлять для принятия мер. Это безнадежно!».

«Наш литературный кружок, пишет т. Богатырев, с полным правом можно назвать диким. Он нигде не зарегистрирован. За два года мы не получили никаких методических материалов. Литкружок несколько раз обращался в правление ССП с просьбой оказать помощь, выявить и взять на учет наиболее способных товарищей. Ни ответа, ни привета не получили литкружковцы от правления ССП.

Сейчас, в связи с общемосковским собранием писателей, подвергшим жестокой критике деятельность союза писателей, мы вправе спросить, как правление руководило литкружками и как оно собирается руководить дальше».

Литкружковцы Уралмаша нам пишут:

«Более года существует на Уралмаше литературный кружок. Однако с первых же дней существования кружка заводские профсоюзные и общественные организации проявили полное равнодушие к его судьбам. В течение всего этого года редакция местной газеты упорно игнорировала литературный кружок. Единственная организация, пошедшая нам навстречу, — это редакция радиовещания».

Но кружок имел возможность работать и получать необходимую помощь только до тех пор, пока редактор радиовещания одновременно являлся и заведующим клубом. Стоило только уйти ему из клуба, как кружок «потерял все права гражданства».

«Уже несколько месяцев кружок находится под угрозой развала. Характерно, что все наши обращения в райком партии до сих пор ни к чему не привели. Положение, при котором на заводе-гиганте Уралмаша единственный литературный кружок влачит жалкое существование, далее нетерпимо». (Под письмом четырнадцать подписей).

Полное равнодушие к литературному движению молодежи заразило и все периферийные отделения союза писателей.

«Ежедневно, — пишет нам редакция газеты «Пограничный транспортник», — мы получаем много стихов и рассказов молодых авторов. Многие из них слабы, но среди этих многочисленных авторов есть и способные люди. Но они не об'единены, они не получают никакой помощи. Вина за это полностью лежит на Дальневосточном отделении союза писателей, которое не работает с ними, не выращивает молодые творческие силы. Изолированность от масс, отсутствие работы с молодыми авторами — беда и Дальневосточного союза писателей и редакции журнала «На рубеже».

Мы привели выдержки только из трех писем, пришедших к нам одной почтой. Но можно с полным основанием сказать, что эти жалобы относятся ко всем организациям союза писателей.

За 5 дней

★ Около двухсот командиров и членов их семей собралось в Синем зале ЦДКА для встречи с писателем А. С. Новиковым-Прибоем. Алексей Силыч рассказал о своем новом романе «Капитан 1-го ранга» и о непрерывной работе над новыми изданиями «Цусимы».

— Работа над «Цусимой» до сих пор увлекает меня, — сказал Новиков-Прибой. — Вспоминаются и общие картины, и отдельные новые детали из прошлого, о которых хочется рассказать молодежи.

С громадным интересом прослушали читатели главы романа «Капитан 1-го ранга».

★ К 125-летию со дня рождения А. И. Герцена Гослитиздат «молнией» выпустил книгу И. Новича «Духовная драма Герцена».

★ 6 апреля состоялся торжественный вечер в Московском педагогическом институте им. Бубнова. Здесь доклад о Герцене сделал проф. Ф. М. Головенченко.

★ 7 апреля в клубе Московского университета состоялось торжественное заседание, посвященное 125-летию со дня рождения А. И. Герцена. Проф. М. В. Нечкина прочла доклад «Герцен в русском революционном движении», проф. Н. Л. Бродский — доклад «Герцен как художник».

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

«Из прошлого»

Мемуары Вл. И. Немировича-Данченко

Выпускаемые издательством «Academia» воспоминания народного артиста СССР Вл. И. Немировича-Данченко несомненно принадлежат к числу интереснейших книг о дореволюционном прошлом русского театра.

Написанные блестящим знатоком русской театральной культуры, пытливым наблюдателем литературных и артистических нравов, мемуары Вл. И. Немировича-Данченко красочно раскрывают перед современным читателем картину жизни петербургских и московских театров (конца XIX — начала XX столетий), знакомят его с историей возникновения и творческим ростом Московского Художественного театра.

Начальные главы книги посвящены описанию первых литературных успехов автора мемуаров.

Однако, повествуя о своем дебюте на драматургическом поприще, Немирович-Данченко не замыкается, как это часто делают мемуаристы, в кругу личных переживаний, а подробно освещает общественную жизнь того времени, театральные порядки и быт, рассказывает о той роли, которую играли в театре в 80—90-х гг. артисты и драматурги.

*

Ярко и увлекательно рассказывает автор о своих встречах с А. П. Чеховым, А. М. Горьким, Л. Н. Толстым, А. И. Сумбатовым-Южиным, А. П. Ленским и другими крупными писателями и театральными деятелями России и Запада.

Особенно большое место уделено в воспоминаниях А. П. Чехову, с которым автора книги связывала долгая и крепкая дружба.

«...Длинных об'яснений, долгих споров Чехов не любил. Это была какая-то особенная черта. Слушал внимательно, часто из любезности, но часто и с интересом. Сам же молчал, молчал до тех пор, пока не находил определения своей мысли, короткого, меткого и исчерпывающего. Скажет, улыбнется своей широкой летучей улыбкой и опять замолчит.

В общении был любезен, без малейшей слащавости, прост, я сказал бы: внутренно изящен. Но и с холодком. Например, встречаясь и пожимая вам руку, произносил «как поживаете» мимоходом, не дожидаясь ответа».

Характеристика Чехова сделана автором с большим тактом и литературным мастерством.

Вот он с умной иронической «чеховской» усмешкой говорит о писателе Гнедиче: «Это же настоящий писатель. Он не может не писать. В какие условия его ни поставь, он будет писать — повесть, рассказ, комедию, собрание анекдотов. Он женился на богатой, у него нет нужды в заработке, а он пишет еще больше. Когда нет темы сочинять, он переводит».

Обстоятельно говорит Вл. И. Немирович-Данченко о драматургической деятельности Чехова. В книге излагается спор Чехова с Сумбатовым-Южиным, ярко характеризующий взгляд писателя на театр.

«Перед «Губернаторской ревизией» была у меня другая повесть, «Мертвая ткань», которая нравилась Сумбатову. Вот они и заспорили, которая лучше. Спор перешел на общую почву и ярко вскрывал два художественных направления. Южин любил даже в романе образы яркие и сценичные. Чехов любил даже в пьесе образы простые и жизненные. Южин любил исключительное. Чехов — обыкновенное. Южин — грузин, прекрасный сын своей нации, темперамента пылкого, родственного испанскому, любил эффекты открытые, сверкающие; Чехов, чистейший великоросс, — глубокую зарытость страстей, сдержанность.

А самое важное в этом споре: искусство Южина звенит и сверкает так, что вы за ним не видите жизни, а у Чехова за жизнью, как он ее рисует, вы не видите искусства.

Чехов спорит на этот раз наредкость долго. Обыкновенно он выскажет свое мнение, а потом, если его продолжают убеждать, он только молча кивнет головой: нет, мол, остаюсь при своем. А тут не переставал искать новые и новые аргументы.

Право, это спорили Малый театр с каким-то новым, будущим, еще даже не зародившимся. С той разницей, что Художественный сразу возьмет боевой тон, а Чехов спорил мягко, со своей вспыхивающей улыбкой; расхаживал по кабинету крупными шагами, заложив руки в карманы; не как «боец», без азарта.

Скоро писатель Тригорин в «Чайке» скажет:

«Зачем толкаться? Всем места хватит».

И я, и Сумбатов постоянно уговаривали Чехова не бросать писать для театра. Он нас послушался и написал «Чайку».

*

Специальная глава в книге Вл. И. Немировича-Данченко названа «Горьковское в Художественном театре». В ней Немирович-Данченко рассказывает о своих беседах с великим писателем, о горьковских постановках.

Любопытна история первых представлений первой пьесы Горького «Мещане» *). Незадолго до премьеры «Мещан» произошел известный инцидент с избранием А. М. Горького почетным членом Академии наук и с отменой этого избрания.

«Мещан» театр показывал в Петербурге. На представлении пьесы правительство, не без основания, ожидало демонстраций, враждебных президенту Академии наук великому князю Константину Романову. «И, как полагается в таких случаях, выход был найден простой: запретить пьесу.

Мы начали хлопотать. Мне была устроена аудиенция у товарища министра кн. Святополк-Мирского, прославившегося либеральными проектами. Мне удалось убедить. Пьеса была разрешена условно — только для абонентов.

Художественный театр имел в Петербурге успех чрезвычайно широкий. Им увлекались все слои населения, каким театр был доступен,— и придворные с царской фамилией, и светские круги, и вся огромная интеллигенция, и вся передовая молодежь. Последняя особенно считала Художественный театр своим. Мы играли в первые годы в частном театре, приспособленном для опереточных представлений, в котором в верхних ярусах было очень много мест плохих, из которых слышно, но не видно; эти места мы не продавали; однако они заполнялись в огромном количестве «зайцами», т. е. безбилетниками. Этих «зайцев» бывало до пятисот человек. Мы это знали и смотрели сквозь пальцы, так как это все была студенческая молодежь».

«...Несколько вечеров перед «Мещанами» я ходил к ним наверх просить не устраивать никаких демонстраций. Нам этот спектакль нужен, чтоб Горький писал для театра, — убеждал я, — а беспорядки вызовут репрессии, и мы потеряем такого автора.

Молодежь обещала и свое обещание выполнила. Только в последний спектакль «Мещан» кто-то, уж на прощанье, не мог сдержаться и как бы для собственного удовлетворения пробасил на весь театр только один раз: «Долой великого князя».

*

Не ускользнула от внимания автора мемуаров и крепкая, неразрывная связь Горького с народом, большая любовь писателя ко всему яркому, талантливому, материнская забота о людях.

«...Врезалось в память у меня одно посещение. На вид, вроде Сатина из «На дне», плотный, живописный; вчера еще форменный босяк, сегодня чуть-чуть приодетый, с отличным, выразительным лицом, прекрасным голосом. Когда он ушел, Горький сказал:

— По-моему, из него вышел бы хороший актер.

— А сейчас он что? — спросил я.

— Сейчас живет чем попало. Если встретит вас в глухом переулке, потребует полтинник и скажет: «Давайте скорее, а то сам возьму больше...».

Я потому запомнил это, что из него, действительно, стал превосходный актер».

*

Много интересных фактов сообщает Немирович-Данченко в главе, посвященной Льву Николаевичу Толстому:

«Однажды в контору редакции журнала «Русская мысль» какой-то старик в тулупе и меховой шапке принес рукопись. Секретарь принял: это был рассказ крестьянина Семенова. Секретарь сказал, чтоб старик зашел за ответом недели через две. Аккуратно через две недели старик пришел. Секретарь попросил его подождать, кивнув на ясеневый диван, и сам пошел в кабинет редактора. Там в это время шел очень оживленный разговор между двумя редакторами и издателем. Повод был либерально-зажигательный, так что пили красное вино. Секретарь доложил, что пришли за ответом о рассказе крестьянина Семенова. Беллетристика находилась в ведении Ремизова, высокого блондина, с большой раздвоенной бородой, в очках.

— Да, да. Я прочитал. Пусть подождет. Сейчас выйду.

Но оживленную беседу прервать было невозможно, и прошло много времени, часа полтора. Секретарь снова появился в дверях.

— Митрофан Нилович! Там этот старичок дожидается.

— Да, да. Сейчас приду.

Однако прошло много времени, и секретарю пришлось докладывать в третий раз. Наконец, Ремизов отыскал рукопись и вышел в контору.

— Где этот старичок?

Старик в тулупе поднялся с ясеневого дивана. Ремизов двинулся к нему.

— Это вы — Семенов? Мы прочитали рассказ...

Ремизов поднял на старика глаза и не окончил, онемел: перед ним был сам Толстой! Это сам Лев Николаевич Толстой скромно сидел в углу в течение двух с лишком часов и ждал, когда редактор его примет. А ему очень хотелось добиться напечатания рассказа неизвестного никому крестьянина Семенова, очень хотелось порекомендовать произведение, которое он нашел талантливым и заслуживающим внимания.

Положение редактора было отчаянное. И в кабинет-то неловко было повести сразу, пока оттуда не убрали бутылки.

— Да нет, ничего. Я тут отдыхал,— говорил Толстой, вероятно, скорбя за растерявшегося солидного литератора. А может быть, даже обвиняя себя...»

*

Книга Вл. И. Немировича-Данченко «Из прошлого» содержит не только описание конкретных событий, лиц, фактов.

В ней очень много ценных и глубоких замечаний автора о театральном искусстве, о роли актера и режиссера в театре

В. АНОВ

* Премьера «Мещан» состоялась 35 лет назад — 8 апреля (н. ст.) 1902 г.

Уполномочен. Главлита В—26119.

Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.